

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ВЕЛИЧКО

ЮРЬЕВ ДЕНЬ

Юрьев день

Андрей Величко

Юрьев день

«Махров»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Величко А. Ф.

Юрьев день / А. Ф. Величко — «Махров», 2017 — (Юрьев день)

ISBN 978-5-699-94290-9

«Никогда не разговаривайте с неизвестными» – так предупреждал Булгаков. Сан Саныч Смолянинов, авиационный инженер на пенсии, не внял совету классика... И угодил прямиком в конец XIX века. Вроде бы в такой рокировке много приятного – молодость, богатство, неограниченные возможности карьерного роста... Но появились и новые обязанности, которые он вынужден сам на себя возложить. Так ли просто быть великим князем, вторым сыном Александра Третьего, от рождения кавалером многих высших орденов Российской империи, будущим наследником престола, любимым братом Николая Второго, зная, что совсем скоро одна за другой произойдут три революции, а за ними гражданская война? Первая книга нового цикла от автора бестселлера «Инженер».

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94290-9

© Величко А. Ф., 2017
© Махров, 2017

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Величко

Юрьев день

Пролог

Сквер между проезжими частями Нахимовского проспекта был почти безлюден. Он в любое время не самое востребованное место для прогулок, а уж ранним утром в субботу, да еще в середине июля, когда многие в отпуске или просто уехали на дачу, и тем более. Или, если какие-либо обстоятельства не дали им сделать ни того ни другого, некоторые прошедшим вечером традиционно отметили приближение выходных и теперь раньше одиннадцати просыпаться не собирались. В общем, на всем протяжении сквера от метро «Профсоюзная» до улицы Ивана Бабушкина сейчас находились всего два человека. Двое пожилых людей сидели на лавочке и неторопливо беседовали. Говорил в основном тот, что на вид был немного моложе, а одет так, будто собирался сразу после беседы отправиться на важный прием или на премьеру в Большой театр. Второй никакими излишествами в одежде не выделялся – обычный пенсионер на прогулке. Сейчас он молчал, говорил первый.

– Ну что вы, я ничего доказывать не собираюсь, да это и невозможно. Вы же все равно никуда не спешите? Вот я и предлагаю послушать соображения, которые, возможно, покажутся вам не лишенными некоторого смысла. И, главное, не нужно делать вид, будто вы мне поверили, это совершенно лишнее.

Второй собеседник, которого звали Александр Александрович Смолянинов, кивнул. Он решил, что, даже если его визави и является тружеником сетевого маркетинга или агитатором какой-нибудь секты, хоть он это и отрицает, то все равно выслушать его будет интересно. Один хрен, заняться-то нечем! А этот вон как излагает – заслушаешься, причем с таким видом, будто сам в это верит. Денег с собой все равно нет, кроме какой-то мелочи, так что пусть старается.

– В качестве иллюстрации тезиса о параллельно-тождественных мирах позвольте описать некий маленький виртуальный эксперимент, – продолжал тем временем тип в вечернем костюме. – Вы же вроде хотите чихнуть, если я не ошибаюсь? Но пока сдерживаетесь. Значит, в данный момент времени во Вселенной есть два примерно равновероятных пути развития означенной ситуации. Вы либо чихнете, либо нет. Согласны?

– А-а-апчхи! – от души подтвердил Александр Александрович.

– Будьте здоровы. Так вот, именно сейчас образовались два параллельно-тождественных мира. В одном вы чихнули, а в другом все-таки воздержались. Они неотличимы друг от друга во всем, кроме последствий только что произошедшего в одном из них и не произошедшего в другом событиях. То есть небольшого количества ваших, извините, органических выделений, пары сотен вырвавшихся на волю безобидных бактерий и мизерного количества водяного пара. Через какое-то время все это исчезнет, не оставив иных следов, кроме наших воспоминаний. Потом вместе с нами исчезнут и они – мы же, увы, не вечны. Миры снова сойдутся в один, что означает – никакие сколь угодно совершенные методики исследований не позволят однозначно определить, чихали вы сегодняшним утром или нет.

– Интересно, – согласился Александр Александрович. Ему действительно было интересно – неужели этот тип всерьез считает, что когда-нибудь найдется идиот, которому будет нечем заняться, кроме подсчета чихов во Вселенной? Однако, кажется, уже началась какая-то следующая глава сказки, можно послушать, что там поет этот... хм... ладно, раз сказка, пусть рассказчик будет Шахерезад.

– Тождественно-параллельные миры образуются часто – например, со смертью почти каждого человека. Ведь многие больные могли бы умереть в один момент времени, а могли и

через, скажем, пять минут. Но в подавляющем большинстве случаев это ни на что не повлияет – миры вновь сойдутся даже намного быстрее, чем в только что рассмотренном примере. Но не всегда, и мы наконец-то вплотную подошли к тому, ради чего я и затеял этот не самый обычный разговор. Он вас еще не утомил?

– Нет, что вы, я ведь уже скоро семьдесят лет как живу на свете. Мне, бывало, знакомые по пьяни и не такое рассказывали. Хотя, конечно, не каждый день, тут вы правы.

– Не всегда, – повторил тот, кого только что мысленно назвали Шахерезадом. – Если, например, больной перед своей отложенной смертью успеет заразить еще кого-нибудь, а этому «кому-то» суждено, предположим, нажать на красную кнопку грядущей ядерной войны, а теперь он помрет и война начнется позже или не начнется вообще, то различия будут столь велики, что миры не смогут сойтись никогда и станут параллельно-различными.

– Охренеть как интересно, – согласился Александр Александрович. – Вы, случаем, не писатель?

– Увы, теперь даже и не читатель. Вряд ли вы станете возражать против того, что последнее время читать решительно нечего, на фоне современных авторов даже Казанцев с Кочетовым кажутся чуть ли не Ефремовыми и Симоновыми, но я, с вашего позволения, продолжу. Итак, параллельно-различные миры существуют, и в них возможны путешествия во времени, но с двумя ограничениями. Во-первых, путешествовать может только информация, но никак не материальные объекты, имеющие отличную от нуля массу. Во-вторых, переброс информационных пакетов возможен только в момент, когда вероятность образования нового параллельно-различного мира достаточно велика. Но зато эти самые пакеты могут быть сколь угодно велики – вплоть до полного слепка личности человека. Этот пакет можно внедрить в мозг умирающего, и он с достаточно высокой степенью вероятности поможет выжить реципиенту, если у донора не было той болезни, от которой реципиент скончался. Однако тут есть определенные технические трудности. В частности, для путешествия в прошлое нужно одновременно отправить соизмеримый по объему пакет в будущее. И наоборот. Нечто вроде третьего закона Ньютона. Так вот, лично мне позарез нужно в будущее, и я предлагаю вам – разумеется, чисто теоретически – прикинуть, кого из ранее живущих людей вы согласились бы заменить в момент их смерти, то есть переместиться сознанием в прошлое. При этом, как я уже говорил, информационный пакет гарантированно даст возможность подвергшемуся его воздействию организму справиться со смертельной болезнью. Но он, в смысле организм, должен быть комплектным, то есть тела казненных или погибших от взрыва лучше не использовать. Могут не реанимироваться. Временной диапазон – от ста двадцати до ста восьмидесяти лет назад.

– Читал про такое, – кивнул Смолянинов, – и не раз. Я бы сказал, очень даже не раз. Однако вопросы все равно есть. Первый – сохранятся ли воспоминания реципиента?

– Нет, они исчезнут полностью. Даже условные рефлексы и те заменятся на ваши.

– Второй вопрос. Как требуется обозначить выбранную личность? Нужны ли полные, так сказать, анкетные данные?

– Нет, что вы. Вполне хватит набора сведений, описывающих только этого человека и никого более. Например, определение «одноглазый алкоголик из деревни Гадюкино» будет достаточным, если за всю историю существования упомянутого населенного пункта таковой там был только один. Если же их было более одного, потребуется указать еще и порядковый номер.

– И, наконец, третий вопрос. Почему, если изложенное вами правда, вы выбрали именно меня?

– Да потому, что к подобному способен далеко не каждый! В лучшем случае один из тысячи, и поди еще этих способных найди. А у меня почти не осталось времени на поиски – рак желудка. И тут вы мне на пути попадаетесь, так недолго и поверить в высшие силы. Да и у вас дней впереди тоже не очень много – если с вами приключится второй инфаркт, то шансы

выжить после него, учитывая недавно произведенную оптимизацию системы здравоохранения, не так уж велики.

– Ладненько, – усмехнулся убеждаемый, – будем считать, что я вам поверил и проникся. Насколько я понял, выбор реципиента нужно сделать прямо сейчас?

– Да, только учтите, что в ваших же интересах выбрать тело как можно моложе.

– Это понятно, в старого кривого алкаша из Гадюкино, да еще в момент, когда он, к восторгу окружающих, наконец-то отбросит копыта, меня вселяться не тянет. В младенцев тоже можно?

– Они что, не люди? Конечно. Итак, кого же выберете, если вдруг то, что я вам предложил, вопреки всему окажется реальностью? Если вам так удобнее, считайте это чисто умозрительным экспериментом.

– Ну так вроде договорились уже, что я вам поверил. Лучше вот что скажите, перед тем как я назову своего кандидата: как там у меня будет с компанией? Вы же явно не бог, они раком не болеют. А что сделал один человек, в большинстве случаев сможет повторить и другой. Не окажется ли так, что в тех времена скоро станет не протолкнуться от вселенцев? К тому же они явно не полезут в тела умерших от голода крестьян, а постараются проникнуть в высшие слои общества – как я, например, постараюсь. Вот так посмотришь – вроде перед тобой граф с приличной родословной, а на самом деле это старая проститутка из Биробиджана или даже думский депутат. В общем, сколько там предполагается, так сказать, собратьев по духу? Хотя бы порядок цифр назовите, если нетрудно.

– Порядок – ноль, – усмехнулся Шахерезад, – то есть вы там будете единственным в своем роде. Да, я не бог, но подобный мне в мире может быть только один. Просто потому, что самым фактом своего существования он блокирует инициацию всех других, имеющих потенциальные способности. Впрочем, их очень мало, на всю Землю хорошо если наберется десятка два. Вот когда я этот мир покину, может, мое место кто-нибудь и займет, хоть и не сразу, потому как одних способностей мало, им нужна аппаратная поддержка, а ее просто так не обеспечишь. Но вас он даже в случае инициации не сможет побеспокоить никак, ибо отправлять информпакеты можно только в прошлое и будущее своего мира. Там же, где вы займете чье-то место, почти сразу образуется новый, параллельно-различный. Вы удовлетворены? Тогда назовите своего кандидата, пожалуйста.

Смолянинов сделал глубокий вдох, помолчал и решительно сказал:

– Александр Александрович Романов, умерший в раннем детстве. Второй сын цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра Третьего.

На тела двух пожилых мужчин, привалившихся друг к другу на скамейке в сквере посередине Нахимовского проспекта, обратили внимание только ближе к полудню. Приехавшая «Скорая» зафиксировала смерть – у одного от обширного инфаркта, а у второго от острой сердечной недостаточности. И никто не обратил внимания на валяющийся под лавкой кусок обгорелой пластмассы. Это было все, что осталось после самоликвидации от небольшого прибора, с которым перед смертью оперировал тот, кого собеседник назвал Шахерезадом.

Глава 1

Похоже, меня и в этот раз успели откачать... примерно так я подумал, когда ко мне вернулось сознание. Интересно, с операцией это произошло или без таковой? Похоже, что без, потому как никаких последствий наркоза вроде не ощущается, да и ни сердце, ни вообще в груди ничего не болит. Даже как-то странно, честное слово. Правда, побаливает голова, но вполне терпимо – будь я у себя дома, даже не полез бы за пенталгином. Так, ладно, но где я вообще-то нахожусь?

Попытка открыть глаза удалась, но не принесла почти никаких результатов. Во-первых, видел я почему-то очень смазано и расплывчато, а во-вторых, вокруг было довольно темно. Примерно как в больнице ночью, когда горит только слабое дежурное освещение. Хорошо, пусть сейчас ночь, но с глазами-то у меня что? Вот уж на что до сих пор не было особых поводов жаловаться, так это на них. Несколько раз моргнул – и картина стала гораздо резче. Оказывается, мне мешали смотреть слезы? С чего бы я тут, не приходя в сознание, рыдал как крокодил, совершенно непонятно. Но это не столь интересно, как то, что меня окружает. Сейчас ясно видно, что я лежу на очень большой кровати, весь обмотанный тряпками, а рядом стена. Разглядеть больше мешала полутьма, причем какая-то желтоватая и слегка мерцающая. Кажется, именно такой свет давала плохо отрегулированная керосиновая лампа, вспомнил далекое деревенское детство я. Хорошо, но зачем меня так всего замотали? Жарко же!

Я попытался позвать сестру или врача, но, к моему изумлению, получилось только какое-то еле слышное невнятное мяуканье. Однако удалось высвободить левую руку... и только тут я начал понимать, что со мной случилось. Рука была не моя! Пухленькая такая, со складочками – в общем, совершенно детская. И слушалась она меня не очень – пальцы сжимались и разжимались только вместе, а по отдельности никак. Так что же, этот хренов Ша... блин... херезад – он действительно ухитрился отправить мое сознание в чье-то детское тело?

От полноты чувств я позволил себе произнести краткую нецензурную тираду... точнее, попытался. Получилось же что-то вроде жалобного «бя-я-я...». Однако оно было услышано, и где-то рядом оглушительно завопили:

– Господи, живой ангелочек-то! Жи-и-вой!!!

Зато сейчас, кажется, оглохнет, мысленно продолжил я. Невидимая же тетка не унималась:

– Доктора, доктора скорее верните! И их высочеств! И вовсе он ничего не помер, живехонек ненаглядный наш!

Ага, прикинул я. Вопль про высочеств явно намекает, что меня, в смысле информационный пакет с моим сознанием, закинули, куда и было заказано, то есть в тело второго сына цесаревича Александра. Причем, похоже, сразу после остановки его сердечка, которое в результате тут же запустилось по новой, потому как иначе эта голосистая тетка не стала бы впадать в такой экстаз только оттого, что я жив. Вот именно – жив! И это будет продолжаться не до ближайшего инфаркта, как я считал еще час назад, а несколько десятилетий! Уже одно это искупало все неудобства, связанные с переселением сознания в тело десятимесячного ребенка. Который вообще-то практически умер от менингита, но Шахерезад обещал мне почти стопроцентный иммунитет к той болезни, что свела в могилу реципиента. Жалко, я не знаю, какой именно менингит был у маленького Александра, то есть уже меня – туберкулезный или еще какой-нибудь. Потому как получить иммунитет против туберкулеза было бы очень кстати, в высшем свете им болели многие. Эх, мне бы хоть полдня на подготовку! А то ведь все пришлось решать в течение буквально пяти минут, да еще и не веря в реальность предложенного.

Помнится, раздумья над ответом неожиданному утреннему собеседнику заняли совсем немного времени. Ведь требовался безвременно умерший ребенок из семьи с достаточно высо-

ким положением в обществе, причем это событие должно укладываться в обозначенные временные рамки. Навскидку я смог припомнить всего двоих, да и то первый почти сразу отсекся. Это был сын императора Александра Второго, Николай, умерший молодым в Ницце. Так ведь молодым же, а не младенцем! То есть он уже владел несколькими иностранными языками, имел вполне сформировавшийся почерк, массу знакомых, знающих его очень неплохо, – и даже невесту, в конце-то концов! А я в упор не представляю себе правил дореформенной орфографии, и единственный выход – симулировать полную амнезию. Нет, это не подходит, но я вовремя вспомнил, что был и еще один кандидат в реципиенты, подходящий по всем статьям. Да заодно еще и тезка, так что не придется привыкать к новому имени. Фамилия, правда, другая и до моей по звучности немного не дотягивает, но ничего, и такая сойдет. Вот, значит, этого мальчика и назвал, а теперь, как выяснилось, мне тут предстоит жить.

Тем временем в комнате, где я лежал, стало довольно многолюдно. И заметно светлее – вошедшие, похоже, принесли еще несколько ламп. Или свечей, я не видел. Меня наконец-то распутали из тряпок, и сильно пахнувший каким-то одеколоном мужчина начал меня мять, переворачивать и прослушивать при помощи маленькой трубочки с раструбом – кажется, это был стетоскоп. Наконец он отлип от меня, выпрямился и довольно растерянно заявил:

– Ваше высочество, это просто какое-то чудо. Разумеется, до полного выздоровления пациенту еще далеко, этот процесс может затянуться на месяц или более, но кризис совершенно явно миновал.

– Чудо, говоришь? – уточнил чей-то внушительный бас. – А почему бы и нет, во здравие ведь молились очень усердно. И не только мы, грешные, но и святой жизни люди. Доктор, делайте все необходимое для скорейшего выздоровления маленького Саши. Господа, пойдем – мы, кажется, здесь мешаем.

Потом этот человек сказал еще что-то, но уже, насколько я смог понять, по-французски. Ему на том же языке ответила женщина, причем явно не та, что недавно тут орала. Кажется, это были мои родители. Впрочем, почти все довольно быстро ушли, оставив в комнате врача и тетку, которую я решил считать нянькой. А мне просто неудержимо захотелось спать. Последняя мысль была – если я вдруг проснусь на той скамейке посреди Нахимовского проспекта, вот это будет облом! Прямо хоть сразу идти топиться, так ведь ближайший пруд довольно далеко, аж за Черемушкинским рынком.

Однако проснулся я в том же теле, в коем засыпал, и в той же комнате. Уже светало. Я попытался повернуться, и мне это довольно быстро удалось – тело слушалось заметно лучше, чем сразу после переноса. Теперь я смог рассмотреть не только стену, рядом с которой находилась моя кровать, но и большую часть комнаты. Так, доктор, похоже, умаялся и дремлет в кресле. Няньки, или кто там эта голосистая, вообще не видно. Что ж, пока обстановка спокойная, можно немного поразмышлять на тему, как жить дальше.

Что не вызывало у меня ни малейшего сомнения – так это то, что Сашенька Романов должен расти совершенно обычным ребенком. Упаси господь, никакого вундеркинства! Жалко, что в десять месяцев дети еще не говорят, поэтому и пытаться не надо, по крайней мере на людях. А когда они, кстати, начинают? Помнится, мой сын начал болтать года в три, и жена беспокоилась, якобы это поздно. Как же давно это было – сорок пять лет тому назад! Однако смотреть следует в нынешнее будущее, а не предыдущее прошлое. Насколько я помню, книжка Чуковского про перлы детей называется «От двух до пяти», из чего можно сделать вывод, что человек начинает разговаривать в два года. Значит, решено – до второго дня рождения никому ни слова, а вот после него можно будет потихоньку начинать, но без фанатизма. Например, слово «экзгибиционизм» в моих устах может вызвать ненужные вопросы у окружающих. Да и более простые, но менее цензурные слова тоже, так что придется внимательно следить за базаром. Это, пожалуй, будет не так уж трудно – ведь я уже не в двадцать первом веке, где большинство действий власти можно комментировать только упомянутым выше способом.

Далее, чем будет интересоваться второй сын наследника престола, когда хоть немного подрастет? Скорее всего, математикой, физикой, химией и инженерным делом, хоть это и сильно удивит родных и близких. Но идти по накатанной стезе, то есть готовиться к армейской службе, мне совершенно не хотелось. Ведь служить-то придется в гвардии, а она, насколько я уяснил из всяких исторических и псевдоисторических книжек, твердо стояла на четырех китах – картах, разврате, безудержном пьянстве и строевой подготовке. И если с первым я при каких-то условиях еще мог бы смириться, то со вторым, третьим и особенно четвертым – никогда. Пусть всем этим старший брат Николай занимается, а я не наследник престола, можно и увильнуть от гвардейской карьеры. Значит, придется увлечься техникой и даже изобрести что-нибудь этакое, сравнительно безобидное. Вроде велосипеда. Ведь не все великие князья шли по военной линии! Кто-то, как мне помнится, был неплохим поэтом, а какой-то другой ухитрился сделать имя в археологии. И в архитектуре кто-то из Романовых вроде успел засветиться, так что пусть для разнообразия среди них появится еще и один инженер.

Да уж... если бы мои теперешние мысли стали известны в двадцать первом веке, многие впали бы в тягостное недоумение. Мне, по их мнению, следовало срочно начинать строить планы спасения России и расширения ее во все стороны, включая верх и низ. Как же можно пренебрегать такой задачей?

Да запросто, ответил бы я любопытствующим. Например, вдруг поставленная задача вообще не имеет решения? Вот это и следует прояснить в первую очередь, а уж только потом начинать прикидывать, кого спасать и куда расширяться. И вообще думать сейчас нужно не о глобальных проблемах, а о том, как прожить первые несколько лет. Ни с кем толком не разговаривая, ничего не читая и вообще с минимальными сведениями об окружающем мире. Хотя, с другой стороны, все люди, и я в том числе, однажды побывали в такой ситуации, и ничего. Если кто и помер, так явно не от скуки, а остальные не жаловались. Так что не бойся, Саша, прорвемся!

Мне уже давно хотелось есть, а тут вдруг резко и со страшной силой захотелось совершить обратный процесс. Я набрал полную грудь воздуха, поднатужился и заорал. Получилось не как ночью, а громко, звонко и переливчато. Ну не гадить же под себя в постели! Пусть хоть на руки возьмут – младенец же, не надорвутся сначала поднять, а потом почиститься.

Глава 2

Вот она и закончилась, золотая пора младенчества, про которую, кстати, никто из хоть сколько-нибудь заметных классиков вроде бы ничего не писал. Наверное, таланта не хватило – я бы, например, точно не взялся такое описывать. И, значит, началось детство. За ним, насколько я в курсе, наступит отрочество, потом юность. Правда, кто из Толстых написал серию повестей с такими названиями, припомнить мне не удалось, в прошлой жизни я этого банально не знал. Если бы знал, обязательно вспомнил бы, ибо память младенца – это, честно вам скажу, что-то с чем-то. Главное – сообразить, что ты это помнишь, а потом воспоминания пойдут сами собой и уже не потеряются. Теперь я понимаю, почему кто-то очень известный (кто именно – не в курсе, так как никогда не интересовался) заявил, что в младенчестве все люди являются гениями. Дураками они становятся потом, повзрослев. В общем, только скромность могла удержать меня от признания своей гениальности в самом начале второй жизни. Могла бы, но не стала ввиду своего отсутствия. Впрочем, так я считал исключительно молча, про себя. Для того чтобы не говорить подобное вслух, скромность была не нужна, хватало простой осторожности.

Алик Романов, то есть я, рос спокойным и молчаливым ребенком. До двух лет он в полном соответствии с планами вообще не говорил. И даже немного подзатынул свое молчание, потому как дату моего рождения мне тогда никто не сказал, да и узнать, какое сегодня число, было не так просто. Но я спохватился почти вовремя и начал, причем, как оказалось, не очень правильно. В словах «папа» и «мама» ударение здесь было положено ставить на втором слоге. Хорошо хоть «няня» произносилась по-человечески!

Потом я быстро освоил «да» и «нет», и последним приходилось пользоваться значительно чаще. Дело в том, что окружающие постоянно хотели обозвать меня какими-то совершенно неподходящими кличками. Ладно, когда кормилица звала «ангелочком» – это прекратилось само собой вместе с переходом на нормальное питание. А, скажем, «Сандро» – вам такое понравится? Вот и мне тоже нет. Просто Сашей меня почему-то никто не звал, так что во избежание чего-нибудь худшего пришлось согласиться на Алика. Так меня назвал старший брат Ники, с которым мы стали очень дружны. А как иначе – это же будущий император Николай Второй! Впрочем, пока он даже не цесаревич, так как дедушка, Александр Второй, еще живехонек, чтоб ему пусто было с его неизвестно каким местом придуманными реформами. Отчего, блин, эти народовольцы такие уроды, что покушение у них удастся только с седьмого раза? В Америке вон, как понадобилось, так сразу Авраама своего Линкольна шлепнули, и без всяких неудачных попыток. Правильно их в моем мире повесили – страшно далеки они были от народа. Не был бы Каракозов столь безруким и не промахнись он в царя еще в шестьдесят шестом году, осталась бы Аляска русской, уж мой отец-то ее точно продавать не стал бы. И, возвращаясь к деду, даже первая жена Александра Освободителя еще жива, что меня особенно напрягало. Дело в том, что императрице вскорости предстояло умереть от туберкулеза, а это означало, что он, скорее всего, уже перешел в открытую стадию. Хорошо хоть, что мне удалось заранее вспомнить, как она выглядела – слава безукоризненной младенческой памяти, видел-то ее портрет я в прошлой жизни всего раз и особого внимания тогда на него не обратил. Однако узнал сразу, как только эта разносчица палочек Коха зашла в комнату, и на всякий случай закатил истерику, благо возраст позволял. В общем, мне удалось избежать объятий и обливаний слезами и прочими выделениями, а вот Николаю – нет. И маленький Жоржи, в другом мире будущий цесаревич Георгий, тоже не успел спрятаться. Не исключено, что именно от бабушки он и подхватил туберкулез, который в конце концов сведет его в могилу на переломе веков. Оставалось только радоваться, что императрица посетила Аничков дворец, где жила наша семья, всего раз и вообще много времени проводила в Крыму и в Италии.

К трем годам я в первом приближении составил планы на ближайшее десятилетие. Главной задачей было признано завоевание полного доверия старшего брата и его воспитание в требуемом ключе.

Разумеется, я прекрасно знал, как в случае отсутствия дополнительного влияния с моей стороны будет править Ники и чего добьется своим правлением. Первое время я даже потихоньку прикидывал, можно ли его как-нибудь прибить и не спалиться при этом, чтобы на трон, когда придет время, сел уже не он, а я. Но, подумав, признал подобный образ действий неоптимальным. Ведь Николай сейчас никто! И что из него вырастет, в немалой степени зависит и от меня в том числе. А вот я уже вполне сформировавшаяся личность, и сомнительно, что здесь мне удастся радикально перевоспитаться. Без этого же мои перспективы выглядят не очень радужно – уж свои-то недостатки я знаю неплохо. Главный из них – почти полное отсутствие способностей к руководству. То есть стоять во главе небольшого коллектива единомышленников у меня выйдет, это проверено. А вот командовать произвольно подобранными людьми, да еще если им не нравится то, чем предстоит заниматься, – нет. К сожалению, в этом я тоже имел возможность убедиться на практике, когда меня чуть ли не с позором турнули из замзавотделом обратно в ведущие инженеры. Причем, что самое обидное, это было совершенно справедливо. Так что пусть лучше Ники приобретает качества, коих у него в другой истории не было, и садится на трон, а я скромненько так постою рядом, время от времени подавая ценные советы. Если же у меня ничего не выйдет и старший брат вырастет таким же недоумком, что и в моей истории, тогда и прикинем, что с ним вдруг ни с того ни с сего случится – несчастный случай на водах, смертельная болезнь или даже несчастная любовь, от которой он, к изумлению окружающих, возьмет и застрелится.

Кроме того, надо будет заранее подготовить пути отхода куда-нибудь в Новую Зеландию, где в ближайшие сто с лишним лет точно не будет ни войн, ни революций. И всяких ядовитых гадов там тоже нет, в отличие от соседней Австралии. Но это на совсем уж крайний случай, да и заниматься этим придется еще не скоро. Сначала должны кончиться не только детство с отрочеством, но и юность.

Однако дальнейшие раздумья привели к пониманию, что первоначальные планы нуждаются в корректировке. Помните, там было насчет не выделяться? Так вот, этот пункт вступал в противоречие с необходимостью приобрести влияние на Николая. Ибо сделать это проще всего было, отвечая на вопросы, которые он в силу пробудившегося детского любопытства задавал всем и про все, но приемлемых ответов не получал почти никогда. От него либо отмахивались, либо начинали сюсюкать. Так пусть у него появится стойкая привычка – если что непонятно, надо идти к Алику и спрашивать! Брат ответит всегда, даже если будет занят.

Да, но ведь тогда довольно скоро придется ответить на вопрос – а откуда я все это знаю? И, значит, чтобы уверенно сообщить «из книг», надо в хорошем темпе научиться читать. Или, если точнее, суметь достаточно убедительно объяснить окружающим, когда и как у меня вдруг появилось такое умение.

Это оказалось не так трудно. Всякий раз, когда я видел кого-то с книгой или газетой, следовала просьба показать мне буквы – мол, очень хочется научиться читать. Некоторые показывали, и вскоре об этом узнал отец.

– Да что же ты, Алик, все норовишь вперед забежать? – добродушно спросил он. – Подойдет время, и начнешь учиться, еще небось и от уроков станешь отлынивать. А пока рано.

– И что мне делать? – построил я самое огорченное лицо, какое смог. – Я ведь уже научился читать!

– Врешь, поди, – усмехнулся родитель. – Что, точно не врешь? А пошли-ка со мной в кабинет, тут недалеко.

Там я еще не бывал, так что, зайдя, с интересом осмотрелся. Впрочем, особо и смотреть-то было не на что – кабинетом явно пользовались очень редко. Похоже, цесаревич, а мой отец сейчас пребывал именно в этом статусе, канцелярскими делами не перегружен.

Тем временем родитель достал с полки тоненькую книжицу, раскрыл ее, ткнул мне под нос и предложил:

– Читай, Алик, раз говоришь, что умеешь.

Я начал, стараясь делать это по складам, с заиканиями и ошибками:

Ф-ф... флаги ве-е-е-ют на Бо... спо... Босфоре,

Пушки пры... пра... здни... чно зву... чат...

Небо я...сно, бля... бле... щет море,

И ликует Царе...град!

Последнюю строчку четверостишия я специально прочел почти без задержек и с гордым видом. Отец был глубоко изумлен.

– Ну, Алик, ты и даешь! Ведь четыре года только два месяца назад стукнуло, а вон уже как шпаришь! В кого бы это ты у меня такой умный?

После чего он немного смущенно хмыкнул – видимо, сам понял некоторую двусмысленность последней фразы.

– В родителей, – подхалимским тоном ответил я.

– Хм... а что ты еще умеешь?

– Сочинять сказки! – приступил я к поэтапной реализации своих планов. – Одну уже почти совсем сочинил, завтра закончу и расскажу Ники. Можно?

– Ого... а нам с маман разрешишь послушать?

– Конечно!

– Тогда завтра после полдника и начнешь.

Вообще-то насчет «сочинил» – это было в значительной мере преувеличение. Как я уже говорил, детская память работала великолепно, и те книги, которые в прошлой жизни не раз перечитывались, я мог воспроизвести почти дословно. То есть страницы просто появлялись перед моим мысленным взором, и только в отдельных местах текст слегка расплывался. Но конкретно в «Волшебнике Изумрудного города» таких мест было совсем немного. К тому же я в общих чертах помнил, что там происходило, и смогу как-нибудь пересказать своими словами – надеюсь, получится не сильно хуже, чем у Волкова. Анахронизмов же в этой сказке нет, и ее можно будет читать один к одному. А вот с той, что планировалась потом – «Приключения Незнайки», – придется немного поработать, дабы привести ее в соответствие с реалиями времени.

В том, что я решил интенсифицировать приобретение авторитета в глазах старшего, хоть и всего на год, брата, была заслуга и наших с ним родителей. Дело в том, что они наконец-то начали говорить между собой по-русски – по крайней мере, в моем присутствии. А то ведь первое время шел сплошной французский, на котором я знал от силы два десятка слов, и все. Но, видимо, бывшая принцесса Дагмара, а ныне великая княгиня Мария Федоровна, наконец-то настолько выучила язык своей новой родины, что, к большой радости отца, начала использовать его постоянно. И как-то раз мне удалось подслушать разговор о том, что пора бы к детям прикрепить постоянного воспитателя, причем кандидатура у матери уже имелась. Это был какой-то Чарльз Хис.

Мне это сразу не понравилось. Во-первых, имя совершенно не вызывало подозрений в том, что его носитель русский. Во-вторых, оказалось, что в прошлой жизни я о нем читал, хоть и очень немного. А сейчас вспомнил. Типа это был простой человек, далекий от придворных интриг и увлекающийся рисованием. Он относился к детям Александра с искренней теплотой, и они в ответ его не менее искренне уважали. Вот, собственно, и все, но мне было достаточно. Потому как я вспомнил еще и то, что многие подозревали – мол, Николай Второй думает

по-английски и только потом переводит мысли на русский. Действительно, язык Туманного Альбиона он знал уж всяко не хуже родного, тому есть много подтверждений. И чего в этом хорошего, спрашивается? Нет, дорогой братец, коли решено, что будущего императора должен воспитывать я, то так тому и быть. И, значит, к моменту появления в Аничковом дворце упомянутого Хиса младший брат, то есть Алик, уже должен стать в глазах Ники почти непрекаемым авторитетом. А то набегут тут всякие, навоспитывают, и кто за них расхлебывать последствия будет? Сам-то Хис небось помрет еще до революции пятого года.

Ближе к вечеру вся семья цесаревича – он сам, его жена Мария Федоровна, старший сын Николай, средний – Александр, то есть я, и даже маленький Жоржи, которому еще не исполнилось трех лет, собралась в комнате, где обычно мы с Ники играли, расселись вдоль стены и усталились на меня. Я подошел к небольшому столику, где стоял графин воды, налил в стакан, выпил, сдержанно кашлянул и начал:

– Итак, сказка называется «Волшебник Изумрудного города». Вот, значит, в далекой стране Америке жила девочка Элли...

Тут, конечно, знатоки, если бы таковые нашлись в девятнадцатом веке, обязательно сказали бы мне, что у Волкова сказка начинается немного не так. Да в курсе я! Но пришлось нести отсебятину, ибо про Канзас малолетний Алик знать никак не мог. И про саму Америку-то придется придумывать, что я это слово от кого-то слышал и запомнил. Если спросят, конечно.

Дальше повествование потекло гладко, но продолжалось это сравнительно недолго. Нет, помнил-то я все прекрасно, но внезапно оказалось, что к длительным речам моя детская глотка совершенно не готова. Уже на встрече Элли с жевунами начало першить в горле, и вода, которой я выхлебал почти полграфина, помогала не очень. По плану в первый день у меня было дойти до людоеда, но уже к моменту посещения Тотошкой пещеры Гингема я понял, что это волонтаризм. И заодно преисполнился запоздалым уважением к Брежневу, который с полупарализованной челюстью и вообще стоя одной ногой в могиле – ухитрялся зачитывать многочасовые отчетные доклады. Мало того, выпитая вода как-то очень быстро прошла весь цикл по организму и начала проситься наружу. То есть про встречу со Страшилой я рассказывал не только вконец охрипшим голосом, но еще и слегка приплясывая на месте. В общем, вынужден был там и закончить сегодняшнюю порцию сказки, иначе мог произойти конфуз.

Но все же, несмотря на означенные мелкие недостатки, выступление мое имело большой успех. Причем не только у Ники, которому, собственно говоря, оно и было предназначено, но и у отца тоже. Он заявил, что ему очень интересно и чтобы я, значит, без него продолжение не рассказывал. Но вот мать, как мне показалось, смотрела на меня несколько странно. Неужели я в чем-то прокололся? А, ерунда – может же у ребенка быть не по годам развитая фантазия! Он ведь им не принцип работы двухконтурного турбореактивного двигателя объяснял. Хотя, между прочим, мог бы – по профессии я авиационный инженер, причем вплоть до инфаркта работавший по специальности. Однако такое если и случится, то очень не скоро, и адресовано оно будет не родителям, а пока первоочередная задача – составить новый план чтения по дням, учитывающий реалии моего нежного возраста. В первый день, как я прикинул, была рассказана примерно одна восьмая часть всей книги, но это потребовало от меня слишком уж больших усилий. Значит, теперь следует озвучивать по две, максимум три главы в день, тогда на всю книгу потребуется дней десять. А ведь когда-то, в далеком будущем, читая «Волшебника» сыну, я уложился в пять вечеров! Вот только было мне тогда отнюдь не четыре с небольшим года от роду.

Реально вся эпопея с чтением заняла две недели, и в основном из-за отца. У него просто не было времени слушать меня каждый вечер, а без него он просил не рассказывать, так что пришлось делать перерывы. И закончились мои выступления хоть и примерно так, как предполагалось, но все же не совсем. Я-то думал, что насчет воздушного шара ко мне пристанет Николай, и подготовил порцию объяснений о том, как это устройство летает, а заодно озабо-

тился придумыванием отмазок насчет того, где я все это узнал. Но рассчитаны-то все эти аргументы были на Николая! Однако первым начал спрашивать отец, наследник престола Александр Александрович.

Сначала я немного офигел, а потом ушел в глухую оборону. Мол, мое дело придумать сказку так, чтобы ее было интересно слушать. А уж как там устроены летающие шары, пусть слушатели додумывают сами.

Вот только хоть и очень поверхностное, но все же знание основ тактики конкретно в этом случае меня немного подвело. Ведь согласно канонам военной науки, после успешной обороны нужно переходить в контрнаступление! Ну я и попросил рассказать отца, как на самом деле выглядят воздушные шары и почему они летают. Кто же знал, что цесаревича так смутит неспособность ответить на вопрос своего сына! А отец явно смутился. Потом сказал, что прямо так, с кондачка, он мне рассказывать ничего не будет – мол, сначала надо подумать, вспомнить, прикинуть, что к чему. И вообще, как я смотрю на то, чтобы к нам пришел человек, знающий о воздушных шарах все, и поделился своими знаниями?

Я отнесся к предложению отца с тщательно разыгранным восторгом, Николай тоже был не против. Меня очень интересовал вопрос: кого папаня притащит в качестве специалиста по аэронавике?

Действительность превзошла самые смелые ожидания. В середине осени в Аничков дворец был приглашен Дмитрий Иванович Менделеев. Интересно, отец знал, что тот как раз в это время разрабатывал проект первого в мире стратостата с герметичной кабиной, или все получилось случайно?

Глава 3

Надо сказать, что историю техники, а в особенности авиации, я знаю весьма неплохо, потому как специально изучал. А вот общую историю – всего лишь читал на досуге, а это несколько иное. То есть в чем-то я был весьма сведущ, если оно меня в свое время заинтересовало. Но никакой системы в моих исторических познаниях не имелось. Например, я тупо не имел понятия, что происходило в России от момента продажи Аляски и до самой Русско-турецкой войны. То есть мраком тайны оказались покрыты те самые годы, во время которых началась моя вторая жизнь. При желании в этом можно было усмотреть и положительный момент – ведь коли я ничего не знаю, то и разболтать не смогу! И никому не придется объяснять, с чего это вдруг на меня накатил дар предвидения, да еще в столь нежном возрасте.

В общем, я просто жил, наблюдал окружающее и делал выводы. Некоторые из них напрямую касались моих родителей. Например, в той жизни я неоднократно читал, что императрица Мария Федоровна была очень маленького роста. Ну да, рядом с отцом, который вымахал явно за метр девяносто и при этом не отличался избыточной утонченностью облика, она выглядела невысокой. По моим измерениям (а их, между прочим, было очень нелегко произвести, да еще так, чтобы мать ничего не заметила) ее рост составлял от метра шестидесяти до метра шестидесяти двух. Вполне нормально, особенно для девятнадцатого века, еще не затронутого акселерацией. Супруга, скончавшаяся за три года до переселения моего сознания в иные времена и молодое тело, была примерно такого роста, и ничего. Хотя здесь маман, кажется, все же немного комплексовала, из-за чего всегда носила высоченные прически, зрительно увеличивающие рост.

Еще одно наблюдение удалось сделать относительно отношения родителей друг к другу. Все материалы, прочитанные мной в двадцатом и двадцать первом веках, однозначно утверждали, что Александр Третий жил в любви и согласии со своей женой. Так вот, согласие действительно было. Довольно часто, но не всегда. В частности, великой княгине не очень понравилось увлечение двух старших сыновей воздушными шарами, но отец вопреки мнению жены нам с Николаем в этом помогал по мере возможностей. А вот хоть сколько-нибудь заметной любви между супругами явно не замечалось. Не исключено, что причиной этого был их второй сын Александр, в данный момент я.

Ведь когда в другой истории он, не будучи мной, умер младенцем, это было большое горе для обоих родителей, которое, скорее всего, их сильно сблизило. А тут сын выжил, горя не приключилось, и, как следствие, особого сближения тоже. К добру это или нет, я пока однозначно не решил.

Как уже говорилось, Марии Федоровне не очень понравилось то, что мы с Ники под руководством иногда приезжавшего в Аничков дворец Менделеева и при активном попустительстве ее мужа начали создавать воздушный шар. Причем довольно большой – диаметром семь футов, то есть чуть больше двух метров. В какой-то мере я ее понимал. Если бы в прошлой жизни кто-нибудь оккупировал самую большую комнату моей малогабаритной трешки и на три месяца развел бы там бардак из обрезков, обрывков, обломков, банок с полусохшим столярным клеем (а он, между прочим, пахнет, и не сказать что розами) и прочими отходами безудержного творчества, я бы это тоже не одобрил. Причем, скорее всего, далеко не так мягко, как маман, а сразу матом – и далее вплоть до рукоприкладства. Правда, умеренность ее недовольства в значительной мере объяснялась тем, что комнат во дворце было очень много. По моим предварительным подсчетам – до хрена, и под изготовление шара мы заняли далеко не самую большую, но зато одну из самых неудобно расположенных.

Вообще-то всю эту возню с шаром я не планировал. Если бы, как предполагалось, им заинтересовался один Николай, я бы по-быстрому склеил ему нечто вроде китайского летучего

бумажного фонарика, благо в прошлой жизни неоднократно делал такие сначала для сына, а потом для внучки. Но вот к тому, что шаром заинтересуется отец, да еще и притащит к нам во дворец Менделеева, я был не готов. Впрочем, сам Дмитрий Иванович, как выяснилось, был готов еще меньше. Он, наверное, не предполагал, что тот, кому надо рассказать о состоянии дел в аэронавтике, столь молод. К тому же поначалу беседа была затруднена тем, что и меня, и отца он называл высочествами, и было не всегда понятно, к кому именно обращается ученый. Но потом все помаленьку утряслось, я в силу юного возраста стал просто Александром, и беседа свернула в конструктивное русло. Менделеев объяснил мне, что летучий воздух действительно существует в природе и называется водородом. Кроме того, если обычный воздух достаточно сильно нагреть, он тоже становится летучим. Но почему-то, когда я спросил о подъемной силе, в последний момент едва успев выкинуть из вопроса слово «удельная», Дмитрий Иванович впал в недоумение и ответил не сразу. Но все же мне было сообщено, что один кубический фут водорода может поднять четверть фунта груза, а такой же объем горячего воздуха примерно в два – два с половиной раза меньше. Из чего следует, что воздушный шар лучше наполнять водородом.

Ага, подумал я, и доживет такой только до первой искры от статики. Но сказал другое, причем, к сожалению, опять не подумав:

– Но ведь мы же собираемся клеить шар из бумаги!

– И что? – не въехал Менделеев.

А я понял, что надо как-то выкручиваться. Ведь не рассказывать же Дмитрию Ивановичу, как его малолетний собеседник в тысяча девятьсот семьдесят каком-то году уже пытался надуть бумажный шар водородом и ничего хорошего из этого не вышло.

– Ну-у, – заблеял я, – наверное, раз этот водород летучий, то, наверное, и очень текучий тоже? Вот он возьмет и утечет в щели, кои мы не заметим при склейке.

Видимо, Менделеев до сих пор бумажных шаров не клеил, потому как на то, чтобы соорудить – водород действительно будет утекать в щели, а для теплового шара с непрерывным подогревом это не очень важно, ему потребовалось почти полминуты.

– Да, – сказал он, – вы, похоже, правы, Александр. Бумажный шар предпочтительно делать тепловым.

Я с тревогой покосился на отца – а вдруг он что-нибудь заподозрит? Однако родителя буквально распирало от гордости за то, что его отпрыск почти на равных беседует с научной звездой первой величины. И даже, кажется, в чем-то оную слегка уел. А маман, к моему счастью, на беседе не присутствовала.

– Но тогда, чтобы полететь, такой шар должен быть достаточно большим, – продолжил Менделеев. – Полагаю, не менее пяти футов в диаметре.

Блин, мысленно застонал я, хорошо хоть дядя не дирижабль «Гинденбург» предлагает строить. Ведь есть же тут тонкая и легкая папиросная бумага, сам видел! А из такой можно за полчаса склеить нечто вроде мешка с огрызком свечи в качестве нагревателя, и все это прекрасно полетит.

Зато Николай от предполагаемых размеров шара был в восторге, и я, вспомнив, что вообще-то целью всей этой возни является произведение впечатления именно на него, предложил:

– Наверно, лучше немного побольше. Там же внизу еще должна висеть какая-то печка для подогрева воздуха, и шару потребуется поднять не только себя, но и ее тоже.

Уже в конце нашей первой встречи я понял, что дипломатическое искусство в число талантов Дмитрия Ивановича если и входит, то в гомеопатических дозах. Прощаясь, он долго объяснял отцу, сколь поразительно ему видеть такое влечение к наукам в столь юных сыновьях наследника престола. Причем из тех речей нетрудно было сделать вывод – прояви подобные таланты дети из семьи какого-нибудь профессора, он бы так не удивился. Хорошо хоть, что

проницательность отца находилась примерно на одном уровне с дипломатичностью Дмитрия Ивановича. В общем, к моей радости, никто не заметил явной двусмысленности ситуации.

На составление проекта шара ушел почти месяц. Причем у Менделеева он явно был готов сразу, но Дмитрий Иванович не пожалел сил и времени, дабы убедить нас с Николаем в том, что мы тоже участвуем в творческом процессе. И действительно, под конец Ники понимал назначение уже почти всех элементов конструкции. А вот я – нет! Хотя убей, но мне было решительно непонятно – какого лешего шар диаметром всего два с мелочью метра делать каркасным, как будто это дирижабль в сто раз больших размеров? Причем каркас этот должен быть деформируемым, дабы имелась возможность вытащить шар через все двери на улицу. Объяснение у меня было только одно – Менделеев задумался именно о дирижабле, причем, скорее всего, полужестком, а подвернувшуюся эпопею с шаром использует для прикидочного моделирования.

Эх, если бы я знал, к чему довольно скоро приведет моя авантюра с постройкой шара! Хотя, впрочем, даже если бы и знал, то все равно не факт, что повел бы себя иначе.

Глава 4

Первый запуск воздушного шара состоялся в январе семьдесят четвертого года. Летательный аппарат под восторженный визг Николая поднялся, причем довольно неуверенно, натянул нитку, коей был привязан к кусту на площадке за дворцом, повисел на высоте метров двадцати минут десять и плавно опустился, когда кончился спирт в горелке, принесенной нам Менделеевым. После чего маман заявила, что подобные представления чуть ли не в центре Питера могут вызвать ненужное возбуждение публики, неуместное для семьи цесаревича. И что если мы собираемся вновь запускать свое изделие, то это следует производить в каком-то более уединенном месте.

Надо сказать, что опасения великой княгини в какой-то мере оправдались. Нет, насколько я был в курсе, никто ее осуждать за странности детей не стал, но про единственный полет шара быстро узнал сам император Александр Второй. И лично явился в Аничков дворец посмотреть на своих столь оригинально развлекающихся внуков и на продукт их творчества. Хорошо хоть он предупредил о своем визите за день, и я, хоть времени было катастрофически мало, постарался использовать его максимально эффективно. То есть заставил Николая почти наизусть выучить краткую речь, которую ему предстояло произнести перед дедом. Попытки брата увильнуть и свалить все на меня я отmel, заявив, что он старший – и, значит, главный. А я, как младший брат, могу только по мере сил ему помогать, но ни в коем случае не должен лезть на первые роли.

Так что когда его величество зашел в комнату, где в углу скромно лежал наш шар, и попросил рассказать, образно говоря, как мы дошли до такой жизни, вперед выступил Николай. И почти без ошибок отбарабанил все то, что я старательно ему вдалбливал весь предыдущий вечер да еще повторил сегодняшним утром. Как я и надеялся, брат меня не посрамил. Он уверенно озвучил диаметр, объем, вес и подъемную силу шара, рассказал про внутренний силовой каркас и ненагруженную обшивку, а под конец поделился предположениями о том, какова может быть грузоподъемность шара и высота, на которую он сможет подняться, не будучи привязан ниткой к кусту. В общем, он наглядно доказал, что хорошая память может быть у любого ребенка, а не только у того, который в прошлой жизни сумел дожить до пенсии.

Отец смотрел на своего отпрыска с нескрываемой гордостью. На его лице при желании можно было прочитать мысль: «Надо же, я-то думал, что ты у нас дурак, а на самом деле вон оно как!» Зато два остальных слушателя – маман и дед – являли собой безусловные примеры эпического охренения. Я даже не сразу определил, кто был поражен больше, но к концу выступления брата пришел к выводу, что это все-таки Мария Федоровна. Она смотрела на своего старшего сына так, как будто перед ней стоял инопланетянин. А император уставился на внука с тем выражением лица, с каким, наверное, взирал бы на внезапно заговорившую любимую собаку.

Николай тем временем закончил озвучивать вызубренный текст, но почему-то решил, что сольное выступление прекращать рано. И заявил:

– Все это придумал мой брат Алик, он очень умный.

Хорошо хоть догадался не уточнить, что именно он подразумевал под словами «все это». Наверняка ведь имел в виду не проект шара, который был все-таки куда больше менделеевским, чем моим, а речь, заученную с моей подачи.

– Bravo, юноша, – очнулся от столбняка император, – я рад, что у меня растет столь способный внук. А ты можешь показать мне, как летает ваш шар?

– Не могу! – решительно заявил Николай. – Маман нам это запретила.

– Почему? – не понял император.

Брат молчал, и я видел, что он полностью исчерпал душевные силы сначала произнесением речи, почти сплошь состоявшей из незнакомых слов, а потом жалобой деду на мать. Ники надо было спасать, и я, мысленно чертыхнувшись, встрял в беседу:

– Потому что повышенное внимание зевак, коих немало в городе, может отрицательно сказаться на...

Тут я чуть не выдал слово «репутации» без всяких заминок, но вовремя спохватился и произнес его более соответствующим возрасту способом.

– На ре... попу... тации нашей семьи!

И только потом сообразил, что «отрицательно» тоже не мешало бы озвучить подобным образом. Впрочем, хрен с ним – пусть близкие потихоньку привыкают, что у Алика обширный словарный запас.

Дед глянул на меня с веселым изумлением. Ей-богу, он явно собирался сказать что-то вроде «надо же, еще один», но сдержался и подтвердил:

– Совершенно правильное решение. Однако в моей загородной резиденции, в Гатчине, есть места, где чужих глаз не бывает, и я приглашаю всех вас на днях отдохнуть там. И шар с собой можете захватить. Николай, ты что, не согласен?

– Ой, конечно, нет! – очнулся Ники. – То есть да! То есть очень большое спасибо за приглашение, мы обязательно приедем!

И наконец замолк, сообразив, что отвечать согласием на предложение ему пока не по чину.

– И ты тоже, хранитель «репутации»? – это дед спросил уже у меня. И, не дожидаясь ответа, обернулся к матери:

– Минни, я поражен, сколь хорошо образованны и воспитаны ваши дети. Они у вас все такие?

– Нет, что вы, – наконец-то вышла из ступора маман, – Жоржи еще совсем маленький, только-только начал говорить.

– Ничего, судя по этим двоим, скоро он тоже нас чем-нибудь удивит. Значит, жду вас в Гатчине. Саша (это он уже отцу), пройдем в твой кабинет, я ведь приехал не только из-за шара, у нас есть тема для приватной беседы.

В следующие полгода я мог воочию наблюдать, как нарастают различия между мирами – тем, историю которого я изучал в прошлой жизни, и тем, в котором жил сейчас. Возможно, визит императора в гости к сыну имел бы место и без меня, хотя, конечно, Александр Второй тогда при всем желании не увидел бы ни воздушного шара, ни умных и образованных детей. Однако это были отличия примерно того же порядка, что и в мысленном эксперименте Шахерезада с моим чихом. Но вот дальше расхождение стало нарастать лавинообразно. Вряд ли в другой истории цесаревич с семьей зимой семьдесят четвертого года почти две недели отдыхали бы в Гатчине. Впрочем, точно я этого не знал. Но вот то, что случилось летом, совершенно однозначно не имело аналогов в мире, где я прожил свою первую жизнь. Решением императора в Гатчине был создан Особый воздухоплавательный отряд. Тем, кто не поймет, чего же здесь удивительного, я отвечу – ваш покорный слуга, как уже говорилось, изучал историю авиации и точно знал, что этот отряд должен был возникнуть на десять лет позже! А благодаря тому, что здесь не помер в младенчестве некто Алик Романов, возник сейчас. Правда, командовал им не Кованько, которому, кажется, еще и восемнадцати лет не исполнилось, а какой-то совершенно неизвестный мне штабс-капитан Нефедов. Кроме того, шефом новоиспеченного отряда стал не кто иной, как Николай, получивший свое первое звание – прапорщик – почти на год раньше, чем это произошло бы без нашего воздушного шара. Я долго не мог сообразить, как Ники ухитрился не лопнуть от гордости после такого головокружительного взлета своей карьеры. Впрочем, он, кажется, хорошо понимал, кому им обязан. Но вообще-то, если подумать, – надо же, какое влияние могут оказать на историю куски папиросной бумаги, наклеенные на каркас

из липовых реек! Пожалуй, не меньше иного броненосца, а то и двух. Ведь в результате Николай стал горячим приверженцем метрической системы, про которую, естественно, он узнал от меня, а я – якобы от Менделеева. Да уж, мне пришлось три вечера подряд задавать замаскированные наводящие вопросы, пока наконец Дмитрий Иванович не понял, чего не хватает его юному собеседнику, и не рассказал про французскую систему мер и весов. Так что в воздухоплавании теперь никаких кубических футов и фунтов не было. Были кубометры и килограммы. Главным аргументом для Николая стало то, что в метрической системе подъемная сила кубометра водорода составляла один килограмм. На самом деле, конечно, чуть больше, но это ерунда, такой неточностью можно пренебречь. Зато как считать-то стало удобно! Николай, которому арифметика давалась не так чтобы уж очень, это сразу оценил. И вцепился в метрическую систему, как бульдог.

Весной семьдесят пятого года в семействе цесаревича случилось пополнение – родилась дочь Ксения. Николай был очень рад появлению сестрички. Я тоже, потому как благодаря ей мать стала уделять нам с Ники несколько меньше внимания. Увы, следует признать – отношений с Марией Федоровной я выстроить не сумел. Они были довольно прохладными. А вот с отцом вроде пока получалось неплохо.

Да, чуть не забыл – нашим воспитателем действительно стал тот самый Чарльз Хис, который при ближайшем рассмотрении оказался вполне приличным дядькой, не слишком сильно донимавшим нас с Николаем. Зато образованием детей наследника престола в области естественных наук занимался сам Менделеев, а это уже давало надежду, что Николай получит хотя бы самые минимальные знания по физике и химии раньше, чем научится свободно болтать по-английски.

Это были, так сказать, положительные стороны моей активности. Но, к сожалению, не обошлось и без противоположных – или как минимум неоднозначных. Да, Ники стал шефом Особого воздухоплавательного отряда. Однако ежу понятно, что его участие в делах этого образования было весьма мало и пока ограничилось только введением метрической системы в рамках отдельно взятой воинской части. Командовал отрядом, как уже говорилось, штабс-капитан Нефедов, но для разруливания постоянно возникающих проблем подразделения, никаких аналогов не имеющего, его политический вес был пренебрежимо мал. Всем этим занимался мой отец, цесаревич Александр. Оно бы и ничего, но ведь скоро – всего через полтора года – начнется Русско-турецкая война, в которой наследник престола примет самое непосредственное участие.

В прошлой истории он вернулся с войны целым и невредимым, но совершенно не факт, что так произойдет и в этой. Ведь он явно потащит с собой и своих воздухоплателей! А там мало ли – захочется ему, например, обозреть сверху поле боя, и сверзится он с высоты, да так, что останки потом от земли отскребать придется. Да и вообще сейчас отличия миров настолько велики, что все может пойти не так и без всяких аэростатов. И что будет, если цесаревич героически погибнет на войне? Вот уж точно ничего хорошего. После смерти деда на трон тогда сядет великий князь Владимир, и вряд ли он станет править столь же успешно, как это вышло у моего отца. А потом, когда дядя Володя наконец-то склеит ласты от пьянства, на императорское место взгромоздится его сынок Кирилл, который, правда, пока еще даже не родился, но все равно из него образуется что-то даже хуже того Николая, что вырос без моего благотворного влияния. Нет уж, если с отцом что-нибудь случится – в Новую Зеландию придется сдергивать практически сразу после совершеннолетия. Но повлиять на развитие событий я не смогу никак, так что остается только ждать конца войны и надеяться на беспочвенность моих опасений.

Потом случилась еще одна неприятность, причем уж насчет нее-то у меня никаких сомнений не было. И ведь вроде дед при личном общении производил впечатление очень неглупого

человека, да еще и с чувством юмора. Но это каким-то образом не мешало ему в качестве императора быть классическим недоумком. Наверное, в силу врожденной нерешительности.

Так как с нашей семьей он общался не очень часто, то считал самым сообразительным среди братьев Николая. И вот однажды, встретив его в Гатчине, куда Ники теперь приезжал довольно часто в сопровождении отцовского адъютанта Шереметева, император не придумал ничего лучше, как начать рассказывать внуку о стенании болгарского народа под игом турецких угнетателей. Как-то объяснить это можно было тем, то Александр Второй пребывал в сомнениях насчет грядущей войны и все никак не мог решить – начинать ее или нет, а если начинать, то когда и зачем. Ну а Николай, наслушавшись ужасиков в исполнении деда, без всяких сомнений заявил, что болгарским братьям, разумеется, надо помочь. И уверял меня, что император отнесся к его словам с большим вниманием. Ой, блин, да как же этот осел на троне догадался обратиться за советом к семилетнему отроку? И это в то время, когда в Аничковом дворце маялся бездельем другой, шестилетний, по имени Алик. Уж он-то такой ереси советовать не стал бы! Ну вот будто России сейчас совсем нечем заняться, кроме как вприпрыжку нестись спасать болгар, которые после этого прочно и надолго обоснуются в лагере наших противников. Главное, денег, денег-то на это сколько уйдет! И жизнью, между прочим, тоже немало. Тьфу, да и только.

Не берусь судить, эта ли беседа изменила ход событий или что-нибудь другое, но только война у нас началась на одиннадцать месяцев раньше, чем я помнил – в мае тысяча восемьсот семьдесят шестого года. А закончилась всего на полгода раньше, чем в другой истории, то есть длилась эта война на пять месяцев дольше. К счастью, отец вернулся с нее живым и даже ни разу не раненым.

Глава 5

Мне было видно, что Чарльз Хис, которого теперь звали Карл Осипович, пребывает на грани отчаяния. Как же так, столь способный ребенок, как я, а английский язык ему ну совершенно никак не дается! Несмотря на огромные усилия преподавателя. Увы, его огорчение было в значительной мере оправдано. Дело в том, что английский я неплохо знал и до первой встречи с воспитателем. Ну то есть как знал – свободно читал технические тексты по специальности, почти свободно – художественные, а вот разговорной практики у меня, считай, совсем не было. Понятное дело, что Хис пришел в ужас от моего произношения, а так как он считал, что правильное произношение гораздо важнее словарного запаса, то, с его точки зрения, мое знание языка было чрезвычайно близко к нулю. А сразу все исправить не получалось, потому как слова эти вместе с их неправильным звучанием я помнил давно, и вот так сразу взять и все заменить мне не удавалось. С одной стороны, это было неплохо, так как должно же в мире быть хоть что-то, в чем Алик не силен! Ну так вот вам – английский язык. С другой – не в меру трудолюбивый Хис, будучи огорчен моими на редкость скромными достижениями, убедил отца, что со мной надо заниматься дополнительно. И вот конкретно сейчас он и занимался. А я страдал, но продолжалось это недолго, потому как в комнату ворвалась совершенно взъерошенная горничная.

– Ой, господин Хис, ваше высочество, что у нас в Питере деется-то! Вот ведь страсть-то какая, Зимний дворец взорвался! Прямо весь, и убитых видимо-невидимо.

– Уот ду ю сэйнг? – продемонстрировал свое безупречное произношение Хис, даже не поинтересовавшись, знает ли тетка хоть слово по-английски. Но она не то знала, не то просто сообразила, о чем ее могут спрашивать, и затараторила:

– Говорят, что светильный газ взорвался, вот только я этому ни капельки не верю. Ну какой может быть газ, когда чуть ли не весь дворец по кирпичику разнесло? Это, наверное, бомбисты.

– Александр, – с беспокойством привстал Хис, – увы, наши занятия вынужденно прерываются. И на случай, если и здесь произойдет нечто подобное, я должен препроводить вас в безопасное место, но, к сожалению, не знаю, где оно. Мне не успели сказать.

– Зато я знаю – в садике за дворцом, где мы первый раз запускали шар. Газ там наверняка не взорвется, и бомбисты туда вряд ли проникнут.

Разумеется, это место я назвал вовсе не из тех соображений, которые озвучил. А просто потому, что в комнате, где мы занимались, было жарко и душно, и небольшая прогулка на свежем воздухе оказалась бы очень кстати.

– Тогда идем скорее!

– Может, лучше сначала одеться? Февраль же на дворе, – зевнул я. Действительно, а чего мельтешить-то? Как уже было сказано, на дворе февраль, причем тысяча восемьсот восьмидесятого года. И это значит, что никакой газ в Зимнем не взрывался. А рванул там динамит, притащенный в подвал Степаном Халтуриным. Он хотел убить царя, но отправил на тот свет десяток с небольшим солдат охраны, и еще около пятидесяти было ранено. Император же не пострадал – его, кажется, в тот момент вообще во дворце не было. Хотя... кто его знает, у нас же давно многое идет не так! Остается только ждать, пока кто-нибудь прояснит обстановку.

– Александр, вам помочь одеться?

– Карл Осипович, я уже готов и жду только вас. Застегните пальто, и мы можем идти.

Когда мы пришли на место, там, к некоторому моему удивлению, уже маялись маман, пара ее фрейлин, одна из которых держала на руках нашего четвертого брата, годовалого Михаила, Жорж с Ксенией и Ники. Я шепотом спросил у брата:

– Вы-то как здесь оказались?

– Мне показалось, что это самое безопасное место. Я так и сказал, когда спросили, – тоже шепотом ответил брат.

Мать тем временем пыталась узнать у Хиса, что все-таки произошло. А он – у нее. Мне их беседа показалась похожей на викторину, где соревнующиеся стараются выяснить, кто же из них меньше знает о предмете разговора. Но пока соревнование явно шло вничью.

Наконец Мария Федоровна поняла, что ничего от Хиса не добьется, и накинулась на меня:

– Алик, ну, может, ты нам хоть что-нибудь скажешь?

– Только то, что вряд ли взорвался газ. Скорее поработали бомбисты.

– Это неважно, но что с отцом и его величеством?

– Я думаю, мы узнаем об этом минуты через три-четыре.

– Почему ты так решил?

– Потому что вон там, между деревьями, только что проскакал всадник без шапки и на взмыленной лошади. Скорее всего, он сейчас у центрального входа. Мне показалось, что это адъютант отца, Сергей Шереметев.

– Так что же мы здесь стоим? – чуть не сорвалась на визг маман. – Скорее к нему!

Это действительно был адъютант цесаревича. На его мундире ясно виднелись следы кирпичной пыли, а на лице – потеки какой-то копоты.

– Что с ними? – еще не добежав, крикнула маман.

– Его императорское величество Александр Второй погиб, – хмуро сказал адъютант. – Только что опознали тело.

Ого, успел подумать я. Как это его угораздило?

– А Саша? – заломила руки великая княгиня. – Что с моим мужем?

– Его императорское величество Александр Третий, – все так же хмуро молвил Шереметев, – на месте руководит спасательными работами. Очень много пострадавших.

Маман как стояла, так и опустилась на пол. Вокруг нее захлопотали фрейлины. Я же, убедившись, что на меня, кажется, никто специального внимания не обращает, подошел к адъютанту.

– Сергей Дмитриевич, с каким заданием вас отправил сюда его величество?

– Рассказать семье о произошедшем. Убедиться, что с ней все в порядке. Далее действовать по обстоятельствам.

– Мне кажется, что ваше место сейчас там. Это так?

– Да.

– Тогда передайте, пожалуйста, отцу вот что. Поиск и спасение уцелевших – это, конечно, важнейшее дело. Однако не менее важным является расследование взрыва по горячим следам. Если им пренебречь, то организаторы преступления уйдут от ответственности, а тогда, боюсь, совсем скоро придется разворачивать спасательные работы в каком-нибудь другом месте. И хорошо, если только в одном. Почувствовав силу и безнаказанность, мерзавцы воспрянут духом.

– По-моему, его величество это понимает не хуже вас.

– Не сомневаюсь, но напомнить все равно лишним не будет.

Шереметев ускакал, но минут через сорок вернулся, уже в шапке и во главе полутора десятков казаков. Я встречал его у дверей, и он сразу обратился ко мне:

– Ваше высочество, мне поставлена задача охранять императорскую семью. Причем главное, как сказал его величество, – это безопасность наследника цесаревича. Кроме того, он советовал обратиться к вам и принять во внимание то, что вы скажете.

– Только ко мне?

– Да, мнение остальных следует учитывать во вторую очередь.

– Хорошо. Мне думается, что нам, в смысле всей семье, следует переместиться в ту комнату, где мы клеили шар. Она в конце длинного коридора, и других путей попасть в нее нет. Окна высоко, третий этаж, бомбу туда так просто не закинешь, однако патрулировать пространство под окнами все-таки нужно. Ну и подвалы под всем крылом, как мне кажется, надо внимательно осмотреть и взять под охрану.

– Разумно, – кивнул Шереметев. Кажется, адъютанта совершенно не смущало, что его собеседнику неполных одиннадцать лет.

– Алик, что теперь будет? – с тревогой спросил меня Николай, когда спешный переезд в выбранную под временное обиталище комнату завершился. – Неужели надежды этих бомбистов имели под собой какую-нибудь реальную основу?

– Нет, – насколько мог твердо ответил я. – Никакого народного подъема, а уж тем более восстания не произойдет. Более того, злодейское убийство императора даст отцу повод так ужесточить режим противодействия всяким революционерам, что большинству станет не до борьбы.

– Так ты считаешь, что покушений на нас не будет? – с надеждой посмотрел на меня брат.

Ага, подумал я, так тебе и дали расслабиться. Бдительность повышать надо, бдительность! И ответил:

– С чего это ты взял? Обязательно будут! И если мы станем вести себя столь же беззаботно, как это делал дед, какое-то очередное увенчается успехом.

– Страшно, – поежился Николай.

– А жить вообще страшно. Риск в конце концов помереть – стопроцентный. И ничего, живут же люди.

Брат задумался. Кажется, в таком разрезе он эту проблему еще не рассматривал.

Отец приехал только поздним вечером, почти ночью. Вопреки распорядку никто не спал, даже Георгий с Ксенией. Все ждали его возвращения.

Первым делом свежеиспеченный император обнялся с женой, теперь уже императрицей. Что-то пошептал ей на ухо, видимо, успокаивая. Потом подошел к нам с Николаем.

– Вот так, ребята, – грустно сказал он, – кончилось ваше счастливое детство. Теперь вам надо как можно быстрее взрослеть, чтобы начать помогать мне в нелегком труде управления державой.

Так как я предполагал, что примерно скажет нам император по возвращении, то заранее объяснил Николаю, как следует отвечать. И сейчас незаметно ткнул его кулаком в бок. Он сделал шаг вперед.

– Мы это понимаем, отец, – твердо сказал Ники, – и приложим все силы, чтобы стать вам полезными как можно скорее.

– Да, – скромно подтвердил я из-за спины брата, – мы обязательно приложим.

Глава 6

Первое настоящее поручение нам с Николаем пришлось выполнять в мае восемьдесят второго года, сразу после того, как Николаю исполнилось четырнадцать лет, а мне оставалась неделя до тринадцатилетия.

– В шесть часов вечера нам надлежит быть в кабинете отца, – сообщил мне Николай сразу после обеда.

– В парадном виде или как?

– Он не уточнял.

– Значит, можно в повседневном. Не знаешь зачем?

– Точно не знаю, но отец потом сказал что-то вроде «не зря же вы который год вокруг летающих шаров носитесь».

– Ладно, чего сейчас гадать-то. У тебя вечером тактика?

– Нет, государственное право.

– Жалко будет такой урок прогуливать. Вот у меня английский – повезло! Впрочем, может быть, отец нас надолго и не задержит. Значит, давай встретимся без пяти шесть у лестницы.

В Гатчинский дворец из Аничкова мы переехали через три дня после взрыва, в результате которого наш отец стал императором на год с небольшим раньше, чем в другой истории. И поселились на втором этаже Арсенального каре – то есть правого, если смотреть со стороны площади. Маман, когда увидела, где нам предстоит жить, была поражена аж до потери дара речи. Действительно, отец выбрал довольно своеобразное место, коим до него ни один из владельцев дворца вообще не интересовался. Дело в том, что реально этот самый второй этаж был всего лишь чердаком первого. Он так и назывался – антресольный, и по замыслу архитектора предназначался для прислуги, но к моменту нашего приезда там вообще никто не жил. Комнаты, по всеобщему мнению, имели низкие сводчатые потолки. Насчет сводчатости я спорить не буду, что есть, то есть. Но низкие?! Зажрались, гады! Два метра у стен, больше двух с половиной в центре. Вас бы в хрущевку шестьдесят третьего года постройки, буржуи! В общем, нам с Ники новое место понравилось, отцу, естественно, тоже, раз уж он его выбрал, а мнение всех остальных было проигнорировано. Правда, Мария Федоровна довольно быстро привыкла, а к текущему восемьдесят второму году даже полюбила эти, как она их называла, «наши антресоли».

Кабинет отца находился в башне Арсенального каре, все на том же антресольном этаже, и представлял собой сплюснутую по вертикали копию кабинета Николая Первого на первом этаже и Александра Второго – на третьем. Оба они сейчас были мемориальными, то есть там по возможности все сохранялось так, как было при их последних хозяевах.

– Так, сыновья, проходите, садитесь, – показал нам на стулья перед длинным столом отец и сел сам. – Пора вам заняться настоящим делом. Вот, значит, есть у меня любопытная бумага. Контр-адмирал Александр Федорович Можайский подал прошение о выделении участка в Красном Селе для постройки и последующих испытаний летательного аппарата своей конструкции. А также полутора тысяч рублей, необходимых для этого. Вот папка, в которой собраны все материалы по аппарату. Вам надлежит с ней ознакомиться, разобраться в конструкции, составить о ней свое мнение и доложить его мне. Срок – две недели.

Я немного повернулся так, чтобы отцу была видна только правая половина моего лица. И три раза моргнул левым глазом.

– Три недели! – твердо заявил Николай. Что говорить дальше, он знал и сам, без моих подсказок. – Потому что проблема сложная и потребует больших усилий, дабы в ней разо-

браться. Ведь вашему величеству нужны обоснованные рекомендации? Глупых советов, наверное, и без нас есть кому давать.

– Ладно, три, – согласился отец. – И когда только успел таких умных слов-то нахвататься... А ты, Алик, что скажешь? Справитесь?

– Справимся, если на эти три недели отменить дневные и вечерние занятия, оставив только утренние, – заявил я. – Иначе можем не успеть.

Теперь отец ответил не сразу, а после пары минут раздумий.

– Уговорил! – наконец решился он. – С маман сам поговорю. Но чтоб мне за вас краснеть не пришлось! Чтоб все было как... как... в общем, сами знаете как. Идите!

Смотреть документы мы решили в комнате для занятий Николая. Открыв папку, я довольно быстро нашел там искомое, то есть эскизный проект самолета Можайского. Именно эта бумага до двадцатого века не дожила, я мог сказать точно. Исследователям пришлось восстанавливать конструкцию по косвенным признакам, что оказалось непросто. Впрочем, у них в конце концов получилось довольно близко к оригиналу.

Я смотрел на чертеж, но не с целью вникнуть в подробности конструкции. А просто размышлял – что нам теперь делать? Вариантов вырисовалось три.

Первый – написать про это дело чистую правду. Мол, проект неудачный. Он не полетит из-за совершенно недостаточной тяги винтомоторной группы. Для того чтобы эта конструкция даже в идеальных условиях смогла оторваться от земли, тягу надо увеличить раза в три как минимум. Если же аппарат как-то удастся поднять в воздух – например, методом разгона по наклонной полосе, – то он, едва взлетев, тут же завалится набок, ибо у него нет ни поперечного угла V крыла, ни элеронов либо еще каких-нибудь элементов управления по крену. И ведь все это будет чистейшей правдой!

Однако такой вариант мне совершенно не нравился. Как же так – своими руками на корню зарубить первый в мире самолет, причем почти правильных очертаний! Только нелетающий. Нет, это не комильфо.

Второй вариант – оставить все как есть, то есть дать положительное заключение и не вмешиваться в процесс постройки и летных испытаний. Уже лучше, но тоже не годится, так как неудачные испытания станут серьезным ударом по нашему с Николаем имиджу, а удачные в таком варианте практически исключены.

И, наконец, третий путь. Вмешаться в процесс постройки, напрячь все силы и сделать так, чтобы это устройство все-таки полетело. Между прочим, не такая уж безнадежная задача. Дело в том, что творение Можайского по своим пропорциям гораздо больше напоминало экраноплан, нежели самолет. Ну так и пусть летает в режиме экраноплана! То есть низенько-низенько. Прекрасный вариант, но в три недели тут никак не уложишься. Да, но отец же дал нам их только на то, чтобы разобраться в проблеме! Вот, значит, мы и заявим – разобрались. Изделие перспективное, запросто может полететь, но только в случае, если будут проведены определенные доработки, список прилагается. Просим разрешить нам принять непосредственное участие в работах, иначе мы не можем гарантировать ожидаемый результат. Все!

Пока я раздумывал, Николай с надеждой смотрел на меня, но в конце концов не выдержал:

– Что же ты молчишь? Сможет оно летать или нет?

– Пока не знаю, надо построить модель этого уе... в смысле, аэроплана.

– Как ты его назвал?

– Аэропланом. Ведь он должен летать за счет обтекания поверхностей крыльев встречным воздухом. Воздух – «аэр», поверхность – «план». Согласен?

– Да...

– Значит, так – ты еще ножницы, нож, рубанок в руках держать не разучился?

– С тобой разучишься, как же!

– Тогда за тобой бумага. Пять больших листов папиросной, три обычной писчей, два картона. И нитки, возьмешь их у кастелянши. А я схожу в столярку за рейками и клеем. Встречаемся здесь, может, до темноты успеем начать.

Два дня после этого мы сразу после обеда уходили в комнату Ники, где до самого вечера резали, клеили и строгали. Пару раз к нам заглядывала мать, один раз – отец, но, посмотрев на наш творческий порыв, они тихо уходили, не мешая нам работать. Мелочь, то есть Георгия, Ксению и Михаила, к нам вообще не пускали. Наконец модель была готова. Я в последний раз проверил центровку и сказал:

– Вроде все в порядке, пошли испытывать.

– Куда?

– В коридор, естественно! Он достаточно длинный.

– А почему не на улицу?

– Потому что нам нужен абсолютно спокойный воздух, а там ветрено.

Мы вышли в коридор, и я несколько раз запустил модель вдоль него. Естественно, никакого двигателя она не имела, так что просто планировала.

– Летает! – обрадовался Николай.

– Ага, а теперь осталось только понять закономерности ее полета.

Я сделал еще три запуска. Для понимания параметров модели они были не нужны, потому как все меня интересующее я увидел в первых двух полетах, а общие закономерности знал и так, причем давно. Но, пожалуй, пора знакомить Николая с теоретическими основами полета аппаратов тяжелее воздуха.

– Смотри, – обратился я к нему, – вот мы запускаем модель с высоты метра примерно со скоростью ее собственного последующего движения. Как далеко она улетела?

– Метров на семь с небольшим.

– Ее траектория снижения была прямолинейной?

– Нет.

Надо же, какой молодец, подумал я. Не зря с тобой маялись больше десяти лет! Ибо Николай был совершенно прав. Модель сначала планировала довольно плохо, то есть быстро снижалась. А что можно желать от конструкции с таким малым удлинением крыла, да к тому же еще и плоского. Но сантиметрах в пятнадцати от пола она вдруг резко замедляла снижение, и этой мизерной высоты ей хватало на то, чтобы пролететь последние три метра. Это работал экранный эффект. Как и предполагалось, аппарат Можайского был довольно плохим самолетом, но вполне приличным экранопланом.

– Молодец! – оценил я наблюдательность брата. – А теперь возвращаемся в твой кабинет, мне надо кое-что подсчитать.

На самом деле это было надо не мне, а ему, я-то все уже давно подсчитал в уме.

В комнате я быстро изобразил траекторию полета модели в виде двух отрезков прямых, а потом в начале каждого расставил действующие силы.

– Что это? – спросил Николай.

– Летать можно хорошо, так себе и плохо, – начал я блицлекцию. – То есть нужно как-то более или менее объективно оценивать качество полета. Мне кажется, что для этого лучше всего подходит отношение пройденного пути вперед к снижению. То есть на первом этапе своего полета наша модель пролетела метра четыре, снизившись на метр. Значит, ее качество равно четырем.

– Зато на втором – не меньше пятнадцати! – сообщил Николай, приглядевшись к цифрам на чертеже. – А это что за стрелочки?

– Векторы сил, действующих на модель в полете. Вот сила тяготения, вот подъемная сила крыла, вот сила сопротивления воздуха. Если приложить к модели такую же по величине, но противоположную по направлению силу тяги, то модель сможет лететь, не снижаясь.

– Она очень большая, эта сила?

– Вес модели, умноженный на тангенс угла снижения.

– А по-людски никак нельзя? – жалобно спросил брат. Изучать тригонометрию он уже начал, но пока был далек от хоть сколько-нибудь заметных успехов.

– Можно вес поделить на качество, получишь то же самое.

– Вот так бы сразу и сказал! А развел тут – тангенсы, векторы... М-да... ты мне все эти слова все-таки запиши на бумажке, а рядом – в каком порядке их произносить.

Ясно, брат на всякий случай готовится к беседе с отцом. Что ж, напишу, мне не жалко, а тягу к образованию нужно поощрять. Пусть сначала хоть как поугай термины запомнит, потом их будет проще осмыслить. Но все же когда он наконец поймет, ради чего я перед ним тут скоро уже час как выступаю?

Николай понял это довольно быстро.

– Значит, – наморщил он лоб, – если тяга двигателя аппарата Можайского будет более четверти его веса, он сможет летать высоко. Если более одной пятнадцатой – то только низко. А если менее одной пятнадцатой, то аппарат вообще не сможет взлететь и нам придется писать отрицательный отзыв.

– Нет.

– Почему? В чем я ошибся?

– Даже если тяги не хватит, нам надо будет не писать разгромное резюме, а садиться и думать, как уменьшить вес аппарата и увеличить тягу его двигателя до таких величин, чтобы он все-таки полетел.

– Уф, а я-то думал... конечно. А ты сможешь?

– Постараюсь.

– Значит, аппарат обязательно полетит! – уверенно заявил Николай. – Не было ни одного случая, чтобы ты сказал «постараюсь» и потом не смог сделать. А кто будет им управлять?

– Как это кто? Разумеется, я.

Действительно, если у кого сейчас и был шанс поднять эту бандуру в воздух, то только у меня. Просто потому, что я был единственным человеком в мире, умеющим летать. Не как Чкалов, конечно, и даже не как выпускник летной школы, но все же. Остальные же не только не умели, но не имели даже самого приблизительного представления, как это делается.

Однако Николай этого, ясное дело, не знал, поэтому обиженно осведомился:

– А почему не я?

– Потому что ты цесаревич.

По лицу брата было видно, что мой аргумент его не убедил, и я решил ответить развернуто.

– Чему ты удивляешься? Так всегда было, есть и будет. Если нужно что-то кому-то приказать, кого-то убедить или с кем-то договориться, то впереди всегда ты. Потому что цесаревич. Что, скажешь, у нас раньше было не так? Нет, только так, и никак иначе. Все это всегда делал ты, а я стоял сзади и лишь иногда советовал. А вот если надо что-то сделать для претворения в жизнь твоего или отцовского решения, то это уже пойду делать я, а ты будешь стоять сзади. Потому что сейчас ты наследник, а со временем станешь императором.

– Я подумаю над твоими словами. Возможно, ты прав, – после недолгой паузы сказал Николай. И вернулся к самолету Можайского: – Когда поедем взвешивать аппарат и мерить силу тяги?

– После того, как ты договоришься об этом с отцом.

– Потому что я цесаревич? Ну ты хорошо устроился, надо сказать.

Мы оба рассмеялись.

Глава 7

– Вот так, Александр Федорович, – сказал Николай, сочувственно глядя на Можайского. – Если вы согласитесь с предлагаемыми нами доработками аппарата, то мы готовы по мере сил способствовать тому, чтобы они прошли быстрее и лучше. Ну а если нет, в отчете на высочайшее имя придется написать то, что имеем на данный момент. А именно – аппарат, неспособный произвести хоть сколько-нибудь устойчивый и продолжительный полет.

– Но как же так, ваше высочество...

Можайский явно был несколько деморализован тем, что ему приходится спорить с двумя мальчишками, но пока держался.

– Я еще могу согласиться с тем, что часть верхних растяжек в моей конструкции можно убрать, хотя они почти ничего не весят...

– Зато оказывают совершенно лишнее сопротивление встречному потоку воздуха, – пожал плечами брат. К этой беседе он готовился очень серьезно.

– Хорошо, я уже сказал, что согласен. Но как можно уменьшать сечение продольных брусьев крыла? Ведь простейшие расчеты показывают, что на них действуют такие же нагрузки, как и на поперечные.

Тут Николай повернулся ко мне – такой вопрос уже явно выходил за пределы его познаний.

– Простейшими расчетами тут не обойдешься, – вступил я в беседу. – От поперечных брусьев требуется обеспечение не только прочности, но жесткости крыла. А от продольных – только прочности, небольшие деформации в этом направлении вполне допустимы. Мы это проверили на модели.

– Ладно, в принципе, можно согласиться даже с этим. Но ваши предложения насчет двигателя – это уже, извините, не лезет ни в какие ворота! Вдвое против заявленного изготовителем поднять давление в котле – разве так можно? Ведь машину проектировали не дураки!

– Разумеется, не дураки. Перестраховщики. Каждый заботящийся о своей репутации производитель...

– Надо говорить «репутации», – ехидным шепотом подсказал мне Николай. Но я, естественно, не поддался на провокацию.

– ...Всегда хоть немного, но перестраховщик. Потому что для него выход изделия из строя – это сомнение всех последующих клиентов в надежности оногo. Я уверен, что и у котла, и у двигателей, по крайней мере, двойной запас.

– Но если все же что-то сломается?

– Починим, – хмыкнул я, – чай, руки не из задницы растут.

– Но ведь котел может взорваться!

– Что? Александр Федорович, вы, часом, не переутомились? Тогда объясните мне, высочеству неграмотному, как может взорваться прямоточный котел столь мизерного объема!

Можайский понял, что немного перегнул палку. Действительно, котел такой конструкции выйти из строя мог, а вот взорваться – нет. И вообще он устал с нами спорить.

– Ладно, – сказал он, помолчав. – Как я понимаю, для меня единственный способ продолжить работу – это согласиться со всеми предлагаемыми вами доделками.

– Совершенно верно, – перехватил нить беседы Николай, так как она явно перешла на уровень его компетенции, – мы с братом рады, что вы это вовремя поняли. Распишитесь, пожалуйста, здесь, здесь и здесь.

Хм... даже я не успел заметить, когда в его руках появилась папка и авторучка, которую тут называли вечным пером. Растет братец!

– Что это?

– План работ и смета. А вы как думали – я пойду к его величеству просить денег под красивые речи? Не даст. Только под документ, к тому же правильно составленный.

Отчет перед императором состоялся через три дня после беседы с Можайским. Раньше отец не мог, он каждый день работал до часу ночи, да и сейчас принял нас с братом около десяти вечера.

– Ну вы тут и наворотили! – не то осуждающе, не то с чем-то вроде зависти заявил он, потыкав пальцем в нашу докладную записку. – То, что вместо полутора тысяч там уже требуются три с половиной, я видел. Остальное подождет. Да, три с половиной тысячи. И, главное, сами же не постеснялись написать, что деньги уже выделялись полтора года назад – те же самые три с половиной. Что происходит? Я денег не рисую!

Разумеется, первую скрипку в беседе играл Николай. Причем он не столько озвучивал мои инструкции, сколько следовал своему плану – довольно, кстати, рискованному, но в случае успеха сулящему многое. В общем, брат, так сказать, намеренно вызвал огонь на себя.

– Те деньги выделялись на покупку паровых машин и приобретение материалов для постройки аэроплана. Машины куплены, однако их мощность совершенно недостаточна для того, чтобы данный аэроплан взлетел. Обоснование на втором листе.

Лицо императора начало заметно краснеть.

– Кроме того, в конструкции примерно сто – сто двадцать килограммов лишнего веса. Далее, органов управления явно недостаточно, а их приводы не позволят оперативно управлять аппаратом. Все это вместе делает вероятность успешного полета пренебрежимо малой.

– И на такое я должен выкинуть три с половиной тысячи? – взревел император, грохнув кулаком по столу. – Сопляки!

– Нет, не на это, – спокойно возразил Николай.

– А на что же?!

– На то, чтобы точно выяснить – мы с братом действительно сопляки или все же люди, не бросающие слов на ветер, которым можно доверять серьезные дела, не опасаясь, что они погубят порученное.

– Та-ак...

Император потихоньку отходил от приступа гнева.

– Кто это все придумал – Алик?

– Нет, отец, я.

– Да? Ну и дела. Решил, значит, все поставить на карту... тоже мне игрок. Ладно, ты свое сказал, теперь брат пусть говорит. Алик, эта машинерия действительно полетит, если сделать все то, что у тебя тут понаписано?

– Почти наверняка.

– Ох, и выросли же у меня детки... ну да бог с вами. Рискуйте. Я вам тут, пожалуй, даже цифру немного своей рукой подправлю – с трех с половиной на пять тысяч. Ежели что останется, вернете. Эх, кабы все дела свои так тщательно готовили да связно излагали, а то ведь иногда семь потов сойдет, пока поймешь...

С этими словами отец размашисто расписался на нашей докладной.

Я облегченно вздохнул, постаравшись сделать это незаметнее. Дело в том, что в документе имелся один пункт, на безусловное одобрение которого я не надеялся. Выглядел он так:

«Обязанность испытать в полете изделие возлагается на в.к. А. А. Романова». Похоже, до этого пункта отец просто не дочитал.

– Когда оно у вас полетит-то? – уже вполне добродушно поинтересовался Александр Третий, передав Николаю папку с подписанными сметами.

– В конце зимы или в самом начале марта, – ответил брат. – Иначе придется спешить, а спешка без причины есть...

– Знаю. Идите, а то мне тут вообще до ночи сидеть придется, вон еще два доклада непрочитанные лежат.

Мы с Николаем не подвели императора – первый в истории управляемый полет аппарата тяжелее воздуха состоялся двадцатого января тысяча восемьсот восемьдесят третьего года – естественно, по юлианскому календарю. Аэроплан под моим управлением поднялся на высоту пяти метров (выше он смог только в самом начале полета, но всего на несколько секунд) и пролетел по Г-образному маршруту полтора километра, затратив на это около двух минут. Вообще-то я собирался вернуться к месту старта, но после первого же поворота решил – ну его на фиг, так рисковать, того и гляди крылом за землю зацепишься. Причем это был почти предел дальности, ибо для уменьшения веса я убрал конденсатор отработанного пара со всем сопутствующим оборудованием.

Управление этим летающим недоразумением оказалось одновременно и тупым, и весьма тяжелым, ручку приходилось ворочать двумя руками. Особенно по крену – ведь элеронов у самолета не было, тросы от ручки просто перекашивали концы крыльев. Дикость, конечно, но все же лучше, чем совсем ничего, как было по первоначальному проекту. Зато управлять тягой двигателей вообще не требовалось, она весь полет стояла на максимуме.

Полет состоялся утром, а в восемь вечера мы с Николаем докладывали о нем императору. В качестве иллюстраций прилагалась не такая уж тонкая пачка свежееотпечатанных фотографий – обязанность зафиксировать полет для истории была возложена на Николая, и он с ней неплохо справился. Кроме него снимали два офицера из воздухоплавательного отряда, но лучший кадр все-таки ухитрился сделать мой брат. Сразу после взлета за счет накопленной при разбеге по наклонной плоскости энергии у меня вышла небольшая горка, и Николай ухитрился зафиксировать этот момент. Снимок получился отличный – задрав нос, самолет вылетал из облака снежной пыли, и было ясно видно, что от колес до земли метров семь, если не больше.

Брат заслуженно гордился удачным кадром. Кажется, он всерьез заинтересовался фотографией. Впрочем, чего тут удивительного? В другой истории Николай Второй тоже увлекался фотографированием чуть ли не с детства.

– Молодцы, ребята, ой, молодцы, не подвели меня, – император был доволен и не скрывал этого. – Вот только почему ты, Алик, сам в небо полез – ретивое взыграло?

– Нет, ваше величество, ответственность за порученное дело. У любого другого шансов совершить успешный полет было бы гораздо меньше.

– С чего это вдруг?

– Мой вес примерно вдвое меньше веса взрослого мужчины. Кроме того, любому, кроме меня, пришлось бы долго объяснять закономерности полета, и не факт, что он их правильно понял бы, а я все это уже знал.

– Не боялся упасть и разбиться?

– Нет, высота была небольшая, да и в снег в случае чего падать мягко.

– Тоже верно. Ну а на будущее у вас какие-нибудь планы есть?

– Конечно, отец, – заявил Николай. – Ведь это же, наверное, было не первое прошение подобного рода? И уж точно не последнее.

– Да, Ники, ты прав. Вот тут мне недавно один поляк очередную докладную прислал. Ох и настырный же! Изобрел какую-то под водой плавающую лодку и утверждает, что она может стать грозой для кораблей супостата. Вот бы вам разобраться, правда это или фантазии беспочвенные. Осилите такое? Она ведь не летает.

– Надо все правильно организовать, тогда осилим, – цесаревич был в ударе. – Нужно специальное учреждение, кое на постоянной основе станет подобными вопросами заниматься. Например, императорский научно-технический консультативный комитет.

Название брат придумал сам и сейчас выдал его без запинок и с нескрываемой гордостью.

– Председателем предлагаю Дмитрия Ивановича Менделеева, Алика – главным инженером, а меня...

– Стоп, не мельтеши. Чай, уже не мальчик, хватит за чужими спинами прятаться. Ты и будешь председателем, а для Менделеева лучше подойдет должность ученого консультанта. Сможете ли сами составить смету на организацию комитета, я даже не спрашиваю – и так ясно, что сможете. Сколько вам на нее потребуется времени?

– Вот она, ваше величество.

– Хитер бобер! А еще не хотел в председатели идти. Хорошо, положи вон туда, дня за три ознакомлюсь. Убедился уже, что ваши бумаги подписывать не читая нельзя, надо в каждую запятую внимательно всматриваться. Должностные оклады там указаны?

– Разумеется.

– Вот заодно и посмотрю, во сколько мои сыновья себя оценивают.

Глава 8

– А не устроить ли мне свой кабинет в башне? – задумался Николай. – На самом верху. Комнатка там хоть и небольшая, но ее можно сделать довольно уютной. И вид из окон прекрасный.

– Ага, – усмехнулся я, – только заранее придумай, что ты ответишь отцу, когда он наконец-то поднимется по крутой и узкой винтовой лестнице, переведет дух и выскажет все, что думает о твоих умственных способностях. Скорее всего, он напомним тебе пословицу «бешеной собаке семь верст не крюк». А уж если какого-нибудь чиновника в годах, приглашенного на аудиенцию, хватит кондрашка от непомерных физических усилий при подъеме, станет совсем весело.

– Умеешь ты низвергать самые возвышенные мечты, – вздохнул брат.

– Конечно, умею, но в данный момент этим не занимаюсь. Потому как зачем в кабинете уют? И уж тем более красивый вид из окон. Там работать надо, а не глазеть на пейзажи! Поэтому на верхней площадке башни не кабинет надо устраивать, а комнату именно для возвышенных размышлений. Захочет кто-нибудь из нас подумать в тишине о чем-нибудь высоком, вот и будет ему куда направить стопы для этого. Пока наверх лезешь, мысли-то дурацкие, глядишь, из головы и выветрятся. А заодно туда можно будет дам водить, место для таких целей довольно удобное. Не только не видно, что там происходит, но и не слышно тоже.

– Ты собираешься?.. – покраснел Николай.

– Ну, не сегодня и даже не завтра, однако в принципе – почему бы и нет?

– Э-э-э... а что отец скажет?

– Думаю, ничего, если мы наглеть не будем. Но это все не сейчас, а пока давай вернемся к планировке. Предлагаю такую. На первом этаже основного здания – секретариат, канцелярия, библиотека и архив. На втором – приемная, наши кабинеты и конференц-зал. В пристройках – мастерские. Охране хватит караулки, она все равно первое время будет приходящей.

– А разве канцелярия и секретариат – это не одно и то же?

Господи ты боже мой, обреченно подумал я. Сколько всяких, по большому счету, ненужных знаний впихивают в голову наследнику престола! В мою тоже пытаются, но я давно, еще во времена студенчества, освоил высокое искусство при необходимости быстро переходить в режим «в одно ухо влетело – в другое вылетело». Такие предметы, как научный коммунизм и политэкономия социализма – они очень, знаете ли, способствуют. Даже жалко, что Николаю их не преподают. Зато в его учебной программе, кроме тактики, рассматриваемой на примере Наполеоновских войн, латыни и древнегреческого, есть даже богословие. Ну вот зачем будущему императору латынь – он что, аптекарь? Или чтобы ученость свою в высшем свете продемонстрировать? Так изречение «фемина ин вино нон куратор вагина» я ему и без всяких уроков могу процитировать, для демонстрации учености его вполне хватит. Зато основ делопроизводства не преподают и даже не собираются! Кошмар. В той истории у Николая Второго вообще не было не только секретариата, но даже самого занюханного личного секретаря. Кстати, у нашего отца, Александра Третьего, тоже. Как в таких условиях можно управлять чем-либо крупнее небольшой сети пивных ларьков, я решительно не понимал. Так что, дабы не оставить брата в полном неведении, пришлось просвещать его самому, хотя, скажем прямо, в вопросах делопроизводства я тоже был не таким уж корифеем.

– Нет, Ники, это совершенно разные конторы. Секретариат поможет тебе правильно организовать рабочий день, обеспечит фильтрацию и прием посетителей, запишет твои устные указания на бумагу и потом будет следить за их исполнением. А задача канцелярии – правильное оформление, копирование, занесение в каталог всех входящих и исходящих документов

нашего комитета. Поначалу канцелярия может вести архив, но со временем и он должен стать отдельным подразделением.

– Кто будет всем этим заниматься? Я же почти ничего в таких делах не понимаю!

– Не волнуйся, я в них тоже понимаю не намного больше твоего. Ничего, главное – начать, а там видно будет. Как говорится, глаза боятся, а руки делают.

В качестве резиденции организующегося Императорского консультативного комитета нам с братом удалось дожать отца до выделения Приоратского дворца. Это оказалось не так трудно, ибо Александр Третий не очень-то представлял, что с ним делать. Поначалу он вообще собирался его слегка подремонтировать и кому-нибудь сдать – ну прямо как мой сын после рождения дочери. Сынуля сказал, что нашу малогабаритную трешку, где мы уже чуть ли не на головах друг у друга сидим, надо подремонтировать и сдать на длительный срок приличным людям, а самим взять ипотеку. Идея была здравая, мы так и сделали, однако для императора она все-таки подходила не очень. В другой истории Александр Третий в середине восьмидесятых годов поселил во дворце певчих, но мне казалось, что сейчас дожидаться такого ни к чему. Мало ли, вдруг они по ночам орать начнут! Певчие же. У меня вон в прошлой жизни одно время жила певчая птица попугай, так он, собака, орал. Нет, дорогие мои, если кому приспичит, я и сам смогу спеть, причем так, что повторять уж точно никто не попросит. «Мурку», например. Или народную песню «Тихо в лесу», благодаря которой я в свое время запомнил мелодию вальса «На сопках Маньчжурии», благо она почти такая же.

Короче говоря, император подписал распоряжение о выделении нам Приоратского дворца. Хотя, конечно, дворцом его можно было назвать исключительно из вежливости. Так, небольшой двухэтажный дом с пристройками и тонкой высокой башней сбоку. Если бы, скажем, у какого-нибудь думского депутата нашелся загородный дом столь скромных размеров, да еще на таком мизерном участке, его совершенно справедливо посчитали бы позорящим коллектив нищепродом.

Располагался Приорат примерно в километре от Большого Гатчинского дворца, на расстоянии от него берегу озера Черного. А мы с Николаем сейчас осматривали его на предмет решить, где тут что у нас будет.

– Не помешает еще место под склад, – заметил Николай, когда мы спустились со второго этажа. – А то мало ли, вдруг мы решим построить свой аэроплан? Тот, что сделал Можайский, мне не очень нравится, да он к тому же еще и сломался. И нам может понадобится место для хранения материалов.

Да, где-то на пятом полете, когда на пилотском месте сидел уже не я, а офицер из воздухоплавательного отряда, вышел из строя малый двигатель – сказала его сильнейшая форсировка. Большой тоже явно собирался в ближайшее же время последовать примеру собрата, так что аппарат был поставлен на прикол.

– Пошли посмотрим, какие тут подвалы, – предложил я.

Они оказались вполне приличными. Правда, проход мог быть и пошире, чтобы пролезали и крупногабаритные вещи, но пока и такой сойдет, а потом видно будет. Может, и расширим, если понадобится.

Торец подвальной стены под самой большой пристройкой я осматривал особенно внимательно. Да, если присмотреться и напрячь фантазию, можно предположить, что кладка здесь немного отличается от прочей.

– Посвети вот тут, – попросил я брата.

– Что ты там нашел? – поинтересовался он.

– Еще не знаю.

Я достал из кармана складной нож и, не раскрывая его, постучал рукояткой по кирпичу сначала на участке, к которому проявил демонстративный интерес, а потом по перпендикулярной ему стене.

– Слышишь? Звук отличается.

– Не слышу, – разочарованно признался Николай.

Я, честно говоря, тоже ничего особенного не слышал. То есть звук действительно немного отличался, но в таких пределах он бы отличался везде, куда ни поступи.

– Наверное, это заложенное начало подземного хода, – задумчиво сказал я. – Как-нибудь в свободное время не помешает его исследовать, а пока, по-моему, лучше о нашей находке молчать.

– Да, согласен... и как только у тебя получается все замечать?

Как-как, подумал я. Да очень просто! Журналы читать надо. «Огонек» или «Работницу», точно не помню. Там была небольшая заметка про этот подземный ход. Но вслух я, естественно, ответил иначе. В стиле героя О. Генри – Сэнди Пратта, который в похожей ситуации заявил: «Странствуя по свету, я не закрываю глаз». Ну а ваш покорный слуга сказал:

– Так ты смотри вокруг внимательней и не пропускай детали, тогда и у тебя начнет получаться. Ладно, пошли наверх, сядем прикидывать, в каком порядке будем начинать работать.

Поработав, мы решили не откладывать составление аргументированного мнения относительно подводной лодки на будущее, а заниматься этим параллельно обустройству на новом месте. В конце концов, мнение прекрасно можно составить и в пустой комнате, где из мебели только стол и два стула, причем один из них настоятельно просит ремонта. Ведь с подводной лодкой Джевецкого ситуация была куда яснее, чем с самолетом Можайского. Я точно знал, что лодка без всякого нашего вмешательства способна нырнуть примерно на такую глубину, на какую высоту в конце концов поднялся самолет. И даже при соблюдении определенных условий всплыть после этого. Единственное, что меня удивило, когда я про нее услышал от отца – почему так поздно? Насколько я помнил, она была одобрена еще летом восьмидесятого года. Но быстро сообразил, в чем тут дело.

В той истории изобретатель Джевецкий продемонстрировал, что из него мог бы выйти и неплохой придворный. Он добился того, что демонстрация лодки производилась на Серебряном озере в Гатчине. Лодка нырнула, под водой подплыла к плотнику, изображавшему вражеский корабль, прицепила к нему взрывпакет и взорвала его. После чего, не выныривая, подплыла к шлюпке, с которой за ходом испытаний следили цесаревич, будущий Александр Третий, и его супруга. Подводная лодка всплыла, люк открылся, оттуда высунулся Джевецкий, одетый в безукоризненный фрак, и вручил великой княгине великолепный букет цветов. Артист, блин, больших и малых императорских театров!

Цесаревичу представление очень понравилось, и он пробил изготовление сразу аж пятидесяти этих подводных велосипедов. Почему я их так назвал? Да потому, что лодка Джевецкого имела мускульный привод! Чтобы она двигалась, надо было крутить педали.

Из пятидесяти построенных лодок хоть как-то плавали только две – одна в Кронштадте, другая на Черном море. Но недолго – моряки быстро убедились в их полнейшей боевой бесполезности. Все прочие вообще так и остались ржаветь на берегу. Более провальный проект в морском деле я навскидку могу назвать только один – это круглые броненосцы адмирала Попова, вошедшие в историю под неуважительным названием «поповки». Летающую тарелку вы себе хорошо представляете? Вот это и было почти то же самое, только не летающее. И даже толком не плавающее, ибо форма не позволяла.

Так вот, благодаря тому, что у нас народовольцы ликвидировали Александра Второго на год с небольшим раньше, эпопея с подводными велосипедами Джевецкого сильно затормозилась. Нашему отцу летом восьмидесятого года было совершенно не до каких-то лодок, а других столь же легковверных и облеченных властью лиц ни в Адмиралтействе, ни в Морском техническом комитете не нашлось. И довести свое прошение до рассмотрения на высочайшем уровне Джевецкий смог только сейчас.

– Ну и что нам со всем этим делать? – поинтересовался Николай, когда на стол легли прилагаемые к докладной Джевецкого бумаги.

– Как что? Читать. Причем, как и положено, с первого листа.

– Там написано, что испытания могут быть проведены в нашем Серебряном озере.

– Замечательно! Для чего, по словам ее конструктора, предназначена подводная лодка?

– Для уничтожения кораблей противника путем прикрепления мин к их днищам.

– Согласен. Какова вероятность появления этих кораблей в Серебряном озере?

– Очень маленькая, – рассмеялся Николай. – Но они могут появиться в Финском заливе, например. И даже в Маркизовой луже.

– Там будут такие же условия в смысле глубины, волнения и прочего, как в озере?

– Нет.

– Значит?

– Испытывать подводную лодку надо не в Гатчине, а в Кронштадте.

– Отлично! Первый вывод нашего комитета уже есть. Так как секретаря у нас пока нет, вместо него поработаю я. Итак, первый пункт записали, двигаемся дальше. К чему должна прикреплять свою мину лодка на испытаниях?

– К кораблю, изображающему вражеский.

– Где он должен находиться?

– Ну... наверное, где-нибудь неподалеку.

– Что станет с вражеским кораблем, вошедшим в зону действия береговой артиллерии? Во время Крымской войны англичане так и не рискнули приблизиться к Кронштадту на расстояние выстрела.

– Значит, корабль должен стоять не ближе чем в четырех морских милях, – догадался Николай. – Но лодка столь далеко уплыть не сможет, ее матросы устанут раньше.

– Возможно, но точно мы этого не знаем и узнаем только по результатам испытаний. Вот только с чего ты решил, что вражеский корабль будет стоять? Гораздо вероятнее, что он станет маневрировать, ведь у нас тоже есть боевые корабли, которым окажется куда легче попасть по неподвижной цели.

– Но тогда лодка совершенно точно никогда не сможет к нему приблизиться, даже если каким-то чудом и проплывет четыре мили!

– Проверим. Пусть на первом этапе она крепит мину к неподвижному кораблю, а на втором – к движущемуся. Что еще надо написать?

– Не знаю, – вздохнул Николай.

Он уже устал, и я решил не давить на него новыми наводящими вопросами.

– На море бывают всякие непредвиденные случайности, и если из-за них с лодкой что-нибудь случится, испытания не будут доведены до конца.

– Получается, надо построить еще одну на всякий случай! – догадался цесаревич.

– Лучше две, и одну отдать морякам. Они, возможно, смогут заметить что-то, ускользнувшее от внимания Джевецкого. Изобретатели часто бывают пристрастны к своим творениям. Как, например, Можайский.

– Теперь-то наконец все?

– Почти. Человек старался, изобретал, строил. Возможно, даже на собственные средства. Если так, то ему их надо возместить. И дать поощрительную премию, пусть и не очень большую. Не знаю, что покажут испытания, но сама идея очень перспективная. Это запишем пятым пунктом. Вот теперь все, расписывайся тут. Если бы у нас была канцелярия, то она по команде из секретариата оформила бы эту бумаженцию как положено, в трех экземплярах. Один вернула бы в секретариат, второй отправила по назначению, третий положила в архив. И завела бы в картотеке еще одну карточку с кратким описанием документа. Любой документ по карточкам при необходимости можно будет найти гораздо быстрее.

– Пошли домой, а, – взмолился Николай, – у меня уже глаза слипаются.

Спали мы с Николаем в одной комнате, так было заведено с раннего детства. Цесаревич быстро уснул, а я не мог. Как там в песне? «Кипит наш разум возмущенный!» Вот и у меня он был близок к точке кипения. Ну как же так, чему только не учили Николая что в этой, что в той истории! И никто не догадался научить его решать простейшие управленческие задачи вроде той, с которой мы недавно разбирались. И ведь для этого вообще не потребовалось никаких специальных технических знаний. А потом еще удивляются, что под руководством Николая Второго страна дошла до революции. Да скажите спасибо, что чего похуже не случилось!

Глава 9

Честно говоря, я был даже слегка разочарован тем, сколь малый резонанс произвел первый в мире управляемый полет аппарата тяжелее воздуха. Он еще до своего свершения был объявлен государственным секретом, так что в газетах про него не писали. Слухи тоже не поползли, Можайскому дали премию, а мне вообще пришлось удовольствоваться устной благодарностью самодержца. Жалко, в глубине души я вообще-то надеялся на хоть какой-нибудь орден. Ведь Николаю и то присвоили звание подпоручика, а мне – ничего.

Правда, у меня висюлек и без того было весьма немало, причем высших. Судите сами – орден Андрея Первозванного, орден Александра Невского, орден Белого орла, орден Святой Анны первой степени и орден Святого Станислава – тоже первой. Не как у Брежнева, конечно, но все равно довольно внушительный иконостас. В свое оправдание я могу сказать только то, что лично я ко всем этим побрякушкам вообще никакого отношения не имел. Их пожаловали Александру Романову, когда ему исполнился месяц от роду.

Однако почти через год после полета выяснилось, что я был несколько несправедлив к родителю. Это только в кино, да и то про войну, императоры снимают со своей груди ордена и вешают их замеченным в героизме солдатам и офицерам. В реальности и в мирное время работает бюрократическая машина, и отец просто не считал этичным вмешиваться в неспешное вращение ее шестеренок. В общем, аккурат к моменту завершения хлопот с организацией нашего комитета я получил первый в обеих жизнях действительно свой орден – Святого Владимира четвертой степени. Причем гражданский, без мечей.

– Его же чиновникам дают за выслугу лет, – разочарованно просветил меня Николай после торжественного вручения.

– Ну и что? Мое положение уж во всяком случае ближе к чиновнику, чем к военному. А до выслуги я бы его еще пятнадцать лет ждал, так что все нормально. Наконец, он мне за мои заслуги дан, а не по факту рождения! И вообще, чего ты здесь прохлаждаешься? У тебя, между прочим, сегодня самый что ни на есть рабочий день. Это у меня выходной по императорскому указу.

– Там в приемной Джевецкий сидит, а я с ним без главного инженера общаться не могу. Так что хоть у тебя и выходной, придется тебе, Алик, все равно поработать. Пошли, нас бричка ждет. С ним нужно обязательно до четырех часов пополудни разобраться, чтобы вечерние занятия не пропустить, а то маман будет недовольна.

Я, разумеется, не сказал «да и хрен бы с ее недовольством!». Просто подумал это и пошел за Николаем к выходу.

Смысл регулярных появлений Джевецкого в Приорате состоял в том, что деньги на изготовление двух дополнительных экземпляров были выделены, причем даже с запасом, но любые изменения в проект можно было вносить только по согласованию с Императорским консультативным комитетом. А так как Степан Карлович сразу понял, что испытания по утвержденной программе его лодка наверняка с треском провалит, изменения поперли косяком. Первым делом лодки приобрели вертикальный руль позади винта – раньше роль руля играл сам винт, поворачивающийся на карданном шарнире. Затем вместо подвижного балласта появились горизонтальные рули – один спереди и один сзади. Потом удлинился перископ, ибо тот огрызок, что стоял по первоначальному проекту, залила бы любая волна. И, наконец, в этот раз Степан Карлович пришел с идеей установить в дополнение к педальному приводу электромотор мощностью пятьсот ватт, а вместо балласта поместить в отсек аккумуляторы. В таком виде лодка уже начинала напоминать нечто более или менее работоспособное, но последняя модернизация выходила за пределы сметы. Однако у нашего комитета имелись собственные средства, и мы с Николаем после недолгого совещания решили вскрыть эту копилку. Теперь

оставалось только заменить вооружение, то есть вместо идиотских прикрепляемых к днищу цели мин использовать торпеды, которые сейчас назывались минами Уайтхеда, и получится хоть и маленькая, недоношенная, но все же настоящая подводная лодка. Но пока Степан Карлович такого не предлагал – видимо, мало намучился с теми минами, что сейчас несли его лодки. Ничего, все еще впереди.

– Как это отразится на сроках? – поинтересовался я, прежде чем подписывать лист изменений.

– Петр Акиндинович сказал, что успеет к установленной дате.

Джевецкий имел в виду корабельного инженера Титова, надзирающего за постройкой лодок на Невском заводе. Он уже предложил немного изменить конструкцию корпуса, что резко упростило его сборку, так что образовался резерв времени. Ну, раз Титов говорит, то так оно и будет, проверено.

Мы с Николаем подписали лист изменений, и Джевецкий без напоминаний понес его регистрировать в канцелярию.

Да, у нас уже имелась не только канцелярия, но и секретариат из трех человек. Между прочим, подобрать для них кадры было не самой простой задачей. Дело в том, что круг знакомых любого человека сильно ограничен его социальным положением. Вряд ли министр будет иметь в знакомых хоть одного бомжа. То есть наш круг знакомств ограничивался в основном высшим светом, прислугой дворца, казаками отцовской охраны и офицерами воздухоплавательного отряда. Подумав, мы решили, что Николай прошерстит прислугу, а я пойду к офицерам.

Секретарей нашел Николай, и довольно быстро. Это были три сына одной знакомой нашей кастелянши. Старшему недавно стукнуло двадцать, младшему шестнадцать, про возраст среднего я не интересовался. Старший обладал хорошей памятью, средний – красивым почерком и усидчивостью, а младший любил кошек и в иных достоинствах пока замечен не был. В общем, так себе получился секретариат, но я решил, что лучше уж такой, чем вовсе никакого. Зато канцелярия, хоть и организовалась позже, лично у меня вообще никаких нареканий не вызвала. Возглавил ее дядя одного из прапорщиков воздухоплавательного отряда, коллежский регистратор с двадцатилетним опытом крючкотворства. Да, это был настоящий зубр. Акула, так сказать, канцелярского пера! Естественно, на предложение работать под началом самого цесаревича он согласился сразу. Двух письмоводителей он подобрал сам, и канцелярия заработала. Теперь я был уверен, что ни одна бумага, прошедшая через нее, не содержит отклонений от принятых бюрократических стандартов, это раз. И копия любого документа будет при необходимости быстро найдена – это два.

А вот мастерские пока стояли пустыми, но это вряд ли затянется надолго. Ибо пора было реализовать план, составленный еще в младенчестве, когда я еще и ходить-то толком не умел! То есть изобрести велосипед, а то ведь его скоро изобретут без меня. Нормальный, я имею в виду, ибо ублюбочные тут уже были – так называемые «пенни-фартинг». Здоровенное переднее колесо, насаженные прямо на его ось педали, маленькое заднее и литая резина вместо пневматических шин – кошмар! У него имелось и другое название – костотряс. Кроме полнейшего отсутствия комфорта эти велосипеды были еще и довольно опасны. Так как седок располагался почти по оси переднего колеса, то попытка хоть сколько-нибудь интенсивного торможения приводила к изящному перевороту через руль. Учитывая же немалую высоту велосипеда, такое редко обходилось без травм. В общем, я начал потихоньку рисовать чертежи нормального дорожного велосипеда. А вот строить свой самолет мне пока не хотелось.

Да, я смог бы довольно быстро соорудить простейший движок, работающий на спирту, так как приличного бензина пока нет, но зачем? Подстегивать технический прогресс Англии, Франции и Штатов мне не хотелось, а в России он все равно не пойдет – не те условия. Вот когда у нашего комитета появится своя серьезная производственная база, можно будет замах-

нуться на что-нибудь этакое вплоть до самолета или, точнее, авиетки типа «небесной блохи». Пока же за изготовлением даже самой простой железяки приходится ездить на Невский завод к Титову, ограничимся велосипедом. А также канцелярскими скрепками, дыроколами и скоросшивателями – здесь, оказывается, еще не изобрели этих полезнейших в деле прикладной бюрократии вещей.

Вообще-то в нашем комитете, кроме секретариата и канцелярии, имелось еще одно подразделение, но совершенно неофициальное. Настолько, что о нем не знал даже Николай.

Естественно, что в Приоратском дворце для обеспечения его нормального функционирования должна быть какая-то служба, и она была – девять человек. Семеро из них работали тут еще до того, как Приорат отдали нам, а двое – экономка и ее помощница – появились уже после. Я, честно говоря, даже не сразу понял глубинную суть происходящего. Имеем место, где проводят довольно много времени наследник престола и его брат. Значит, тут должно быть тесно от агентов охраны. А их нет! Чем же вообще занимаются в этой конторе? Ибо экономка и ее подручная, появившиеся здесь уже после изменения статуса дворца, разумеется, стучали. Но не отцу и не генералу Черевину, а матери! Об этом я узнал, так как сразу после принятия решения о выделении нам дворца озабочился вербовкой осведомителей. Пока их у меня было трое – истопник, его помощник и тетка, моющая полы на первом этаже. Причем истопник и тетка занимались общим сбором сведений, а помощник истопника приглядывал за ними. Он был единственным, кто знал всех моих агентов. Истопник и тетка – каждый в отдельности – считали, что они у меня единственные и неповторимые. Деньги на оплату их услуг я проводил по статье «прочие расходы», строгой отчетности по которой не было. Впрочем, помощник истопника, кажется, работал не за деньги – во всяком случае, не только за них. Он был молод, явно честолюбив и понимал, какие сияющие перспективы в будущем открывает доверие брата наследника престола.

Первой хоть сколько-то интересные сведения принесла тетка, после чего я стал уважительно звать ее тетей Машей.

– Евсеевна-то, экономка наша, себе двух новых помощниц берет. Зачем, чем она их займет-то? От безделья же девки опухнут! Отчего появилось у меня подозрение. Я одну мельком видела – уж больно она молода да пригожа. Вы уж извините меня, ваше высочество, но только думаю я...

– Да не извиняйся, понятно мне, о чем ты думаешь. Я, кстати, думаю то же самое. Если узнаешь, чья это креатура...

– Что, ваш-сочство?

– Ну то есть кто нам с братом решил их подложить. То тогда сразу сообщай мне, даже если сама будешь не до конца уверена.

– Императрица это, больше некому. Больно уж экономка с той, что я видела, разговаривала уважительно.

Не факт, подумал я. Может, наконец-то охранка спохватилась. Впрочем, проверить будет нетрудно – нужно лишь отказаться подписывать изменения в штатном расписании. Мало ли, вдруг у меня в преддверии осени случилось обострение жадности! Кто после этого начнет на меня давить, того и тапки, в смысле девки.

Давить на меня начал брат, и не составило большого труда узнать, что делал он это с подачи матери. То есть ситуация более или менее прояснилась. Маман решила, что пора заняться сексуальным просвещением детишек, а то вон какие лбы вымахали. Плюс заодно приобрести дополнительный канал влияния на них, а в случае необходимости – даже и шантажа. Что ж, все ожидаемо. Интересно, дамы сами нас поделят или предоставят право выбора нам? Мне-то, в общем, все равно, а вот как Николай отнесется к тому, что за него все решили, я не знаю. Но посмотреть будет интересно, а то я все-таки иногда не до конца понимаю брата. И надо срочно дооборудовать комнату в башне. Сейчас там можно без помех предаваться воз-

вышенным размышлениям, но вот хоть сколько-нибудь тесному общению с симпатичной особой... тоже можно, конечно. Мне приходилось заниматься подобным и не в таких условиях, но зачем? Значит, первым делом надо как-то втащить туда хотя бы небольшую кушетку, а то там пока только бюро и два кресла. На полу, конечно, тоже можно, тем более что он покрыт ковром, но потом будут болеть колени. Принести пару комплектов постельного белья. Умывальник уже стоит, а душ там все равно не устроить, придется довольствоваться тем, что есть. Сообразить чего закусить и чем запить закуску. Спиваться нам еще рано, так что обойдемся без шампанского, пусть будет сидро, оно слабенькое. Ничего не забыл? Вроде нет, но ближе к вечеру надо будет вернуться к теме, может, и вспомню еще чего. А как вы хотели? Это в молодости можно предаваться подобным утехам в самых неподходящих местах, а пожив на свете с мое, начинаешь ценить комфорт.

Глава 10

Шестого мая тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года Николай достиг совершеннолетия – для цесаревича оно наступало в шестнадцать лет. Он принес присягу в Большой церкви Зимнего дворца, о чем наш августейший родитель тут же издал манифест. А сразу за ним разродился и Николай, издав два рескрипта уже от своего имени и под только что подтвержденным титулом.

Первый рескрипт был элементом обязательной программы – Ники его не писал и даже, кажется, особо внимательно не читал. В нем цесаревич предлагал московскому генерал-губернатору раздать пятнадцать тысяч рублей наиболее нуждающимся жителям Москвы. Почему обошли вниманием Питер, нам никто не сказал, а мы не спрашивали.

Зато второй рескрипт был плодом нашего с братом совместного творчества, да к тому же одобренным его величеством Александром Третьим. В этом документе министру финансов предписывалось рассмотреть возможность выделения нашему комитету ста пятидесяти тысяч рублей на организацию исследований инертных газов. Причем пятьдесят тысяч предназначались в личный фонд главного ученого консультанта, то есть Дмитрий Иванович сможет тратить их даже без наших с Николаем утверждающих подписей.

Прочитав наш черновик, отец поначалу уперся, но мы быстро объяснили ему, что такое гелий и зачем он нужен. Так что министр финансов Бунге уже получил необходимые указания лично от императора, и в ближайшие же дни ожидалось поступление первой порции денег.

Согласно традиции, цесаревич сразу после совершеннолетия должен был начать службу. Не так уж просто, между прочим, нам было добиться того, чтобы родитель определил местом службы не гвардию, а армейскую часть. Конкретно – Особый воздухоплавательный отряд. Там Николай получил должность старшего офицера, и это означало, что поручиком ему осталось ходить совсем недолго, настала пора подрасти до штабс-капитана.

Это будет первый случай за все время, когда Николай хоть и не совсем, но все же уйдет из-под моей, как хотелось надеяться, не столь заметной опеки. Жить мы теперь станем в разных комнатах, хоть и соседних. Опять же большую часть своего времени цесаревич отныне будет проводить не дома и не в Приорате, а на летном поле отряда. Хорошо хоть оно находилось довольно близко, примерно в пяти километрах от Большого Гатчинского дворца, неподалеку от деревни Залесье. Впрочем, на некоторых картах она называлась Сализи. Если ехать туда на велосипеде, то это займет от силы полчаса или даже меньше – при интенсивной работе ногами.

Да, у нас с братом уже имелось два вполне приемлемых велосипеда и собирался третий, а деталей было заказано еще на шесть штук. Причем, что удивительно, третий велосипед предназначался для императрицы! То есть он отличался от наших дамской рамой. Посмотрев, как мы с Ники рассекаем по парку на своих драндулетах, она захотела себе такой же, но только чтобы на нем можно было ездить в платье. Причем захотела всерьез, то есть убедила отца дополнительно профинансировать это дело. Хотя могла бы и не утруждаться, ведь наличие у самой императрицы велосипеда послужит столь мощной рекламой именно в высшем свете, что следующие несколько экземпляров можно будет продать по цене небольших океанских пароходиков. А на вырученные деньги построить велосипедную фабрику, я уже начал прикидывать, где ее лучше разместить.

Николай в отряде собирался не только постигать основы воинской службы, но и продолжать занятия техническим творчеством. Теперь он загорелся идеей построить дирижабль. И, разумеется, все работы по проектированию своего воздушного лайнера свалил на меня, тем более что я особо и не отбрыкивался. Мне самому было интересно построить тепловой дирижабль. Почему именно тепловой? Да потому, что водородные даже в этой истории уже взрывались, не говоря уж о другой. А с паровым двигателем, из трубы которого летят искры, это будет

мина, причем даже не замедленного действия. Небось еще на земле рванет, не успев толком взлететь.

Николай, самостоятельно рассчитавший предполагаемую подъемную силу своего детища в водородном варианте, поначалу уперся. Но я не поленился склеить из папиросной бумаги мешок, наполнить его смесью водорода с воздухом и показать, как она взрывается. Брат вздохнул, согласился с моими опасениями и сел делить свои цифры на два с половиной. Получилось, конечно, не так оптимистично, но все равно еще в пределах реального. А мне, кроме самого дирижабля, предстояло спроектировать еще и двигатели для него. Николай сперва собирался приватизировать движки с самолета Можайского, но я был резко против. Во-первых, мне хотелось сохранить самолет в оригинальном виде для будущего музея. А во-вторых, его движки были откровенно хреноватыми и для дирижабля годились не очень. У меня имелся вариант намного лучше.

Давно, еще в прошлой жизни, я наткнулся на упоминание о паровом самолете братьев Беслеров, построенном в начале тридцатых годов. И изучил все, что смог раскопать про него, потому что меня очень заинтересовал вопрос – да как вообще паровоз может летать?

Оказалось, что может, и очень прилично, если в голове у его создателей не опилки, а руки растут не из задницы. Так вот, мотор того аэроплана ничего запредельно сложного собой не представлял, и я собирался его по мере возможностей воспроизвести. Нормальные же двигатели внутреннего сгорания выставлять на всеобщее обозрение было, по моему предварительному мнению, еще рано.

Можайскому я уже сказал, что собираюсь разработать новые комплекты двигателей и котлов, которые при том же весе, что и установленные на его аэроплане, смогут выдать как минимум втрое большую мощность. Александр Федорович тут же загорелся идеей поставить их на свой аппарат, но я слегка обломал его возвышенный порыв, предоставив данные испытаний нескольких моделей. Из коих следовало, что крыло малого удлинения имеет худшее аэродинамическое качество, чем крыло большого. И что плоский профиль крыла – самый неэффективный из всех возможных. После чего Можайский вынужден был признать, что под новую двигательную установку лучше спроектировать новый самолет, чем он и занялся.

Ну я надеялся, у меня получится спроектировать тепловой дирижабль – и он будет не так уж плохо летать. А чтобы он полетел хорошо и, главное, безопасно, его надо будет надуть гелием! Вот на реализацию этого плана и работал второй рескрипт цесаревича.

Сам же я собирался заняться прикладной химией, благо Приоратский дворец теперь был практически в моем единоличном пользовании. Увы, даже слишком единоличном – юные прелестницы Лиззи и Нинель уже почти полгода тут не появлялись. Понятное дело, мать решила, что нечего нас с Ники баловать, освоили необходимый минимум, и хватит. Все правильно, но один черт жалко. Эх, какие были дни, а особенно вечера! Но, еще раз увы, все на свете преходяще, и пора вернуться к прозе жизни. Так вот, о химии. Раньше я опасался – как бы Николай не залез куда не надо, не отравился бы чем, не получил химический ожог и не взорвался. Теперь же причина для опасений исчезла. И, значит, пора вспоминать школьные годы, когда я всерьез увлекался прикладной пиротехникой, приглашать в Приорат Менделеева и вместе с ним срочно изобретать бездымный порох Вьеля, а то ведь, если мы будем хлопать ушами, француз в конце года изобретет его сам. Ну а потом уж Дмитрий Иванович на данной основе создаст пироколлодий, как он уже один раз это сделал в другой истории.

Однако в мои планы внес свои коррективы император. Причем для этого он не стал вызывать меня в свой кабинет, а не поленился сам явиться в Приорат, причем пешком. И в сопровождении всего лишь двух казаков из так называемого «собственного его императорского величества конвоя». Я решил, что сейчас самое время обратить его внимание на вопросы личной безопасности.

– Отец, почему вы без охраны?

– Ты что, не видел? Казаки на первом этаже остались.

– Видел, но это не охрана. Это эскорт.

– И в чем, по-твоему, разница?

– В том, что задача охраны – в случае необходимости защитить вашу жизнь, а эскорта – прибавить вашим передвижениям торжественности.

– Так ты считаешь, что казаки меня не защитят? Не много ль на себя берешь?

– Отвечаю в обратном порядке. Нет, не много. Потому что – нет, не защитят. Вспомните, как на деда еще до моего рождения покушался какой-то дурак по фамилии, кажется, Каракозов. Подошел и выстрелил из револьвера! Мог бы и попасть, если бы руки не тряслись. А казаки, увидев грозящую вам опасность, должны скинуть с плеча свою длинную берданку, поднять ее, снять с предохранителя, прицелиться и выстрелить! Они просто не успеют, если покушавшийся будет подготовлен хоть немного лучше того Каракозова. С бомбистом выйдет то же самое.

– Да они ко мне просто никого не подпустят!

– Нет, подпустят, я сам только что видел в окно, как неподалеку отсюда вам встретила телега с какими-то палками. И вы сами подошли к ней, о чем-то поговорили с возницей. А если бы это был революционер с револьвером? Или у него в телеге под палками лежал бы динамит? Ваше величество – Николай, хоть и признан совершеннолетним, не справится с управлением державой даже с моей помощью. Тем более в такое непростое время, как сейчас. Поэтому вам нельзя без необходимости рисковать своей жизнью.

– Сам разберусь, чего мне можно, а чего нельзя, – буркнул отец, но потом все-таки добавил: – Ты, наверное, уже подумал, как можно улучшить охрану, иначе не выступал бы. Сколько времени тебе нужно для подготовки обстоятельного доклада на эту тему?

– Нисколько, доклад написан, и я готов.

– Так и думал, – вздохнул император, – больно уж ты у меня рассудительный вырос. Значит, завтра после ужина жду, а пока вот что. Я ведь чего к тебе зашел, изменив обычный маршрут прогулки. То, что Николай задумал строить свой, как его, дирижабль – пускай себе. Но вот с аэропланами как быть? Деньги, хоть и небольшие, все истрачены, ты мне сам доказывал, что это очень перспективные машины, и что? Стоит один, гниет потихоньку под навесом, и все. Я понимаю, что Можайский уже в летах, болеет часто, но ты-то мог бы руки и голову приложить! Нехорошо бросать начатое на полдороге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.